

ИГРЫ СУДЬБЫ

Нора Ольвич

18+

Нора Ольвич
Игры Судьбы

«Автор»

2026

Ольвич Н.

Игры Судьбы / Н. Ольвич — «Автор», 2026

Обычная девушка, наша с вами современница, засидевшись в гостях у соседки, вдруг в альбоме старинных фотографий, увидела знакомое лицо..... Возле красивой дамы в высоком головном уборе, выложенном жемчугами, стоял отец Нины, пропавший для всех около тринадцати лет назад. А что бы подумали вы, мой читатель? Магия реализма в романе напомнит вам о желании выйти за пределы обыденности. Из уютной московской квартиры вы попадёте с подругами -однокурсницами в клуб Зелёная Собака на Кузнецком мосту... Отбившись от преследователей, девушки не осознавая происходящего вдруг окажутся в старом пустом экипаже... Отслеживайте события!

© Ольвич Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нора Ольвич

Игры Судьбы

Глава

ВВЕДЕНИЕ.

Тогда я ещё не знала, что значит Кузнецкий Мост.

Просто держала в руках флакон от старинного парфюма с таким же названием. Его дарили маме в девичестве. Тяжёлое, гранёное стекло, потемневшая от времени этикетка, на которой витиеватым шрифтом было выведено: *«Кузнецкий Мост»*.

Аромат, просачивался сквозь плотную пробку, он был густым и сложным, как взгляд Незнакомки со старинного полотна. В нём чувствовались и пудра, и фиалка, и что-то неуловимо. Он был запахом роскоши, но роскоши не кричащей, а шепчущей, таящей в себе секреты и легенды.

Мама всегда говорила, что Кузнецкий Мост – самая *«французская»* улица Москвы. Улица, которая до сих пор ассоциируется с модой, популярными ресторанами и роскошной жизнью. Здания банков, Дом моделей, первая телефонная станция... Всё это звучало для меня, маленькой девочки, как сказка, рассказанная на ночь. Но, как и в любой сказке, в ней таилось нечто большее, чем просто блеск и шик.

Однажды, я была уже старше, но всё ещё не до конца понимая магию этого названия, я решила прогуляться по Кузнецкому Мосту.

Поздний осенний вечер, воздух пропитан запахом мокрой листвы, старых московских особняков и флёром несбывшихся надежд. Улица, освещённая тусклыми фонарями, казалась длинным, извилистым коридором, ведущим в прошлое.

Я шла мимо витрин, за которыми манекены застыли в элегантных позах, мимо дверей ресторанов, откуда доносился приглушённый смех и звон бокалов. Внезапно я осознала иное.

Аромат был сильнее, чем когда-либо, обволакивающий, почти осязаемый.

Я остановилась, оглядываясь по сторонам, но никого, кто мог бы быть источником этого запаха, не было. Только старые здания, их окна, похожие на пустые глазницы, смотрели на меня с неммым укором.

И тут я увидела её.

Она стояла у витрины старинного ювелирного магазина, силуэт дамы был размыт в полумраке. Высокая, стройная, в длинном тёмном платье, она казалась призраком из другой эпохи. Ее волосы были собраны в высокую причёску, а на запястье блеснул браслет, переливающийся в свете фонарей.

Не могла разглядеть её лица, оно было скрыто в тени, но чувствовала взгляд, пронзительный и холодный.

Аромат Кузнецкого Моста исходил от нее. Он был аурой, её шикарной историей.

Здесь по-иному льется время,
Течет неспешно, точно Лета,
И спутываются измерения,
Сны!
Призраки девиц, карета...

За каждым здесь фасадом – тайна,
Границы времени так зыбки!
Печально улица вздыхает,
Ловя то слёзы, то улыбки.
Глава 1. Only you.

Тихий шелест, почти неслышимый, наполнял комнату, создавая свой собственный, интимный ритм.

Это было не гадание. Никаких предсказаний будущего, никаких таинственных знаков судьбы. Нина не искала ответов. Для неё это был ритуал, медитация, способ упорядочить мысли, успокоить душу.

Пасьянс.

Просто пасьянс.

Забравшись с ногами в старенькое кресло, прикрыв глаза, она наслаждалась безмолвным общением со старушкой-соседкой.

Светлана Тихоновна, или просто тётъ Света, как она сама себя называла, жила в старой московской квартире.

Окна её первого этажа выходили на вечно серый, иногда даже свинцового окраса московский двор. Соседний двенадцатиэтажный, закрывавший широкий проспект, наводил весьма часто мысли старушки на то, что зря его построили в советские семидесятые так близко возле её пятиэтажки. Тогда город готовился к Олимпийским играм, преображая центральные улицы Москвы.

Подоконник в большой комнате её квартиры был не просто местом для стандартных кактусов и герани.

Удивительными своими усилиями тётъ Света старалась воссоздать настоящий тропический оазис посреди городской суеты. Здесь, в ряду изящных горшков, обитали её орхидеи. Низкорослые и немного уставшие, они были тихой страстью, которую она бережно хранила. Светлана Тихоновна не была коллекционером в полном смысле этого слова. Она не гналась за редкими видами или экзотическими расцветками. Её привлекала сама идея жизни, скрытая в этих, казалось бы, несуразно расположенных листьях.

Старушку казалось, влекло то, что в один удивительный момент из *«гадкого утёнка вытянется прекрасный лебедь»*. Она терпеливо ждала этого момента. Завораживающим зрелищем был её подоконник вечером. Когда за окном сгущались сумерки, и городские огни начинали мерцать, тётъ Света включала над орхидеями светодиодную лампу. Это был не просто источник света для поддержки жизни, скорее своего рода ритуал.

Лампа излучала мягкое, тёплое сияние, которое преображало зелень листьев, придавая им изумрудный оттенок. В этом искусственном свете, проходящим мимо людям жалкие цветы казались ещё более неказистыми. Светлана Тихоновна же любовалась ими, считая, что последние витамины для роста пошли явно на пользу растениям.

Иногда, глядя на серое московское небо, женщина чувствовала лёгкую грусть. Казалось, что жизнь вокруг неё, как и цветы, тоже чего-то ждёт. Ждёт солнца, тепла и пробуждения.

В глубине души женщина всегда помнила, что даже в этой серости есть своя красота. Её только увидеть нужно. Ведь после зимы всегда наступала весна. На памяти так было. Уже как семьдесят три раза.

Вот и сейчас май на дворе, и в этом году она, конечно же, дожждётся только своего, особого цветения. Отходя от окна и ставя аккуратно ступню в тёплых носках на холодный пол, она продолжала смотреть на орхидеи, на их зелёные листья, освещённые мягким светом лампы. В тихом, утреннем или вечернем ритуале — немом диалоге с растениями, женщина находила нечто особенное.

Однако её соседка – резковатая особа о двадцати четырёх неполных лет — девушка Нина помнила орхидеи другими. Перед глазами стояли цветы её мамы с многочисленными высокими прутьями, устремлёнными ввысь. Под ярко-голубым солнцем совсем другого города, они в любое время года всегда стояли во дворе их дома на отапливаемой веранде.

Огромные соцветия орхидей будто глаза существ с другой планеты всегда наблюдали за их семьёй.

Воспоминания прервал тихий шелест карт. Светлана Тихоновна стала раскладывать новый пасьянс.

- Тётъ Света, что же вы даже к чаю не притронулись. Халву вот вам привезла из Анталии, фрукты спелые. Гранаты.

- Как ваша работа, Ниночка? Что новый проект? Удался?

- Всё как всегда, богатые локации, дружелюбные турки, восхищённые взгляды невесты. Уставший от внимания жених, который уже как вторую неделю в мужьях ходит, а ему всё равно приходится в жару надевать костюм новобрачного. Увы, красота она требует жертв. Банально звучит, но как верно подмечено кем-то.

- Так было всегда. Поверьте, мне.

Старушка задумалась. Карты, словно застывшие в воздухе, оставались всё ещё в её ладонях. Скатерть на столе красиво вышита, а взгляд устремлён в одну точку, туда, где, казалось, начиналась другая реальность. Разговор о свадебной фотосессии совершенно незнакомых ей людей, молодых, полных жизни и надежд, словно рывок воспоминаний, выдернул её из привычного мира.

Слова притихшей и уставшей от эмоций Нины, звучали как эхо из другого измерения. Она помнила его – это измерение. Ох уж эта молодость. При ней время текло иначе, и заботы были совсем простыми.

И вдруг в памяти светлым лучом возникло нечто, и Светлана Тихоновна, отложив ладонью с морщинистой кожей привычную колоду карт, встав со стула, двинулась в маленькую комнату. В ней ещё со времён её покойного супруга стояла мебель немецкого производства: - шкафы и полки за стеклом до самого потолка. Книги. Альбомы с марками. Дорогие коллекции, которые предлагал у неё выкупить сосед с пятого этажа.

Но сейчас её интересовало совсем не это. Ей нужен был альбом её бабушки. Вернее, не альбом, а старинное издание с отпечатанными фотографиями в нём и описание последнего бала царской семьи. Это ли не пример, когда ради красоты и воссоздания целой эпохи были потрачены колоссальные средства.

- Вот она *«расточительная роскошь»*, которая и не снилась тем, кто сейчас снимает фильмы о тех временах. Глянь только на эту красоту.

Слова бабули в спортивном костюме из синей ткани вельвет, аккуратно ступающей по холодному полу, удивили. В её руках замерло нечто в тканом переплётё. Странный формат — тяжёлый фолиант. Нина подавила вздох скуки, задержала дыхание, но альбом взяла в руки.

- Первый придворный бал ежегодно на три тысячи приглашённых давался в Санкт-Петербурге, в главной императорской резиденции — Зимнем дворце. Бал проходил в самом большом зале дворца — Николаевском — и был единственным таким в году. Посмотри, какие фотографии.

Нина замерла, открыв плотную обложку. Замерла, понимая, что нет этому раритету цены сейчас. У знающих людей, конечно. Скука улетучилась, намётанный взгляд оценивал масштаб декораций.

- Январь. Лютый мороз. Дворец залит огнём на все три квартала, которые он занимал. Около монолитной колонны с ангелом наверху зажжены костры. Кареты подъезжают одна за другой... Дамские силуэты на удивление быстро проскальзывают от кареты к подъездам... Меха — горностаи, чёрно-бурые лисицы... Головы ничем не покрыты, ибо замужние женщины

являются в диадемах, а барышни — с цветами в волосах. Но в том году бал необычным. Глянь, какие костюмы.

Дамы и господа начала двадцатого столетия явились на имперский бал в костюмах времён отца Петра Первого. Приглашённые на это мероприятие, обязательно должны были быть одеты в придворные платья «русского» фасона. Так захотела императрица. Костюм императора представлял стилизованный образец парадного костюма царя Алексея Михайловича. Он состоял из двух кафтанов — узорного бархата и атласа, обшитых золотым кружевом и жемчугом. Парчовые пояс и шапка украшены драгоценными камнями, в том числе и крупными изумрудами.

- Так, он же похож на короля из вашей колоды карт! Удивили вы меня, тётя Света сегодня.

- Не только он! Посмотри на дам.

- Кто снимал интересно всё это невероятное мероприятие? Впечатление – оно просто сказочное. Сколько жемчуга, изумрудов и бриллиантов. Это всё настоящее?

- Да, уж конечно, не голливудская декорация. Императрица заказала лучших фотографов по тем временам, их список значится в описании. «*Левицкий и сын*», например. Большой список, всех я не запомнила, глянь в конце. Перечень мастеров, что создали эти одиночные портреты и групповые фотографии с участниками бала.

Светлана Тихоновна улыбалась так, будто сама была на этом балу когда-то.

Нине же казалось, что она на пороге невероятного открытия, которое изменит буквально всё в её жизни. Замерев, девушка тихо переворачивала страницы большого альбома, изданного перед самой революцией. Он полностью расположился на журнальном столике совсем не маленького размера.

- А карты, почему они до сих пор издаются с людьми в костюмах с этого бала?

- Посему видно не было более роскошного случая для подражания. Что и говорить, умело дворянство того времени находить возможности. По этим фотографиям создавались эскизы карт, а после их отпечатали, утвердили и размножили. Сколько лет прошло, но до сих пор издают.

- Не все, наверное, были так финансово состоятельны. Приглашено вроде три тысячи человек, вы говорили, а на групповой фотографии их гораздо меньше. Без дорогой одежды, что не пускали?

- Как ты говоришь, в таком случае: - возможностей объектива не хватило. Какая в те времена техника была? Тебе, наверное, лучше знать. Как возможно было отснять такую группу людей одновременно? Но и бедного люда хватало. Если бы всё ладно было в стране, разве случился бы переворот?

- Я даже представить боюсь, сколько фотограф дублей делал. И как хотели угодить императрице приглашённые, коль замерли собранно в одно мгновение.

- А может, просто люди были другими – интеллигенция, что и говорить. Я помню, как тебя дед учил этому искусству. Снимать на плёнку. После он купил тебе совсем другой фотоаппарат.

Мышцы лица затекли у девушки от этих слов. Улыбаться стало сложно. Обдало враз чем-то холодным и обои с размытым рисунком мелких васильков на стенах квартиры соседки, окончательно потеряли свой облик. Перевернув очередную страницу, девушка замерла, рассматривая групповую фотографию, понимая, что такая вот резкость на всех лицах, смотрящих на неё людей, она дорогого умения стоит.

- Умели раньше мастера чудеса творить. Что и говорить.

Лица, лица!

И вот привыкший взгляд фотографа вылавливает нечто. Хочется сделать скан именно этого участка фотографии и после увеличить в программе. Хотелось разглядеть на мониторе в деталях...

Этот БРЕД!

- Что там Ниночка? Склонилась ты внимательно, никак знакомого увидела?

И после этих слов под шорох карт, которые умелые руки раскладывали в пасьянс у девушки, склонившей голову над альбомом, дыхание остановилось.

Возле красивой дамы в высоком головном уборе, выложенном жемчугами, стоял отец Нины, пропавший для всех около тринадцати лет назад. Пропал он в двадцать первом столетии из собственного кабинета большой автокомпании, занимающейся перевозками очень дорогих авто из Японии. Одетый в боярские одежды на чудо снимке 1903 года, он, однако не отвёл взгляда от её пристального и удивлённого.

Конечно, не отвёл, ведь нет его сейчас с нами!

«— *тыфу ты Господи, что в голову за мысли лезут!*»

Она глазам своим не верила! Коллеги по бизнесу отца, и так просто: - верные псы поговаривали, что Кирилл Андреевич через Южную Корею в Штаты подался, как только понял, что за грехи лихих девяностых отвечать придётся. Были свои люди у него в органах, шепнули о делах, не имеющих срока давности. Будто подняли эти дела из архивов, потому как свидетели новые объявились. Вспомнили они: - как делился бизнес в городе. Вновь обыватели заговорили про отстрелы и разборки на тёмных его улицах.

Мама Нины, так и не признавшая своего вдовства, до сих пор ждёт «*пропавшего*» мужа. Продала дачу и машины, имущество, которым владела сама. Завела вклады. Живёт на проценты скромно. Ходит она частенько к храму, золотистые купола которого говорят, видно из окон городской тюрьмы. Молится, поклоны бьёт.

Включив сканер на телефоне дрогнувшей рукой, девушка запечатлела нужные ей фрагменты фотографий.

- Экую я задачу тебе задала. Да и себе тоже. Не сложился сегодня у судьбы пасьянс. Устала я видно. А не испить ли нам действительно чаю?

Обращалась Светлана Тимофеевна будто к невидимому собеседнику. Голос женщины был тихим, и в нём вдруг зазвучала глубокая усталость и разочарование.

Она в который раз пыталась разложить «*королевский парад*», один из самых сложных и, как ей казалось, самых красивых пасьянсов. Его суть заключалась в том, чтобы переместить все карты на фундаменты в правильном порядке. Каждый фонд должен был возглавить валет, дама или король.

Сегодня карты будто сговорились против неё. Тузы прятались, короли отказывались появляться в нужном моменте, а средние карты образовывали непроходимые завалы.

- Сегодня все будто живут своей жизнью. К чему бы это? Что ты там говорила про халву?

Глава 2. Mystery.

Нина уже не нуждалась в шумном семейном застолье по утрам, в смехе брата и бесконечных разговорах, и спорах с ним. В одиночестве ей было привычнее. Её сложный внутренний мир стал наполнен другими звуками: щелчками затвора камеры, вспышками боксов и шёпотом ассистента: - тихим гулом её собственной студии. Фотосъёмки давали ей общение с людьми, которого хватало с избытком.

Именно среди вспышек и застывших в правильных позах моделей, она чувствовала себя живой.

Для других время текло неумолимо, но для неё, когда объектив камеры поднимался к лицу, оно замирало. Замирало, словно по волшебству, превращаясь в тягучий, золотистый янтарь, в котором навечно застывали образы.

Она видела их такими – своих моделей. Не просто людей, позирующих для снимка, а души, обнажённые в этот краткий, но бесконечный миг. Вот невеста в белом, глаза сияют предвкушением счастья, а лёгкая улыбка едва касается губ. На снимке она останется вечно юной, вечно влюблённой, с этим трепетным ожиданием в каждом изгибе тела.

А после Нина отпускала их, напитанная чужой энергией.

И только дома, в тишине квартиры с большими картинами на стенах, воспоминания о семье накатывали волнами. Они оставляли после себя солёный привкус горечи. Когда-то их семья была дружной. Казалось, они были неразделимы, как пчелиные соты, каждая ячейка которых плотно прилегалась к соседней, создавая единую и крепкую семью.

А потом что-то произошло. Не было громких ссор, не было скандалов между отцом и мамой, которые могли бы разорвать эту связь. Всё случилось очень тихо, почти незаметно, будто кто-то осторожно, с замиранием сердца, начал вынимать по одной ячейки из общего улья. Сначала один, потом другой, третий... И вот, вместо крепких, наполненных жизнью сот, осталось лишь пустое пространство, где когда-то было тепло и уютно.

Исчезли из поля зрения друзья. А семья, будто по негласному уговору, разъединилась в пространстве. Каждый выбрал свою невесомость, свое уединение. Они предпочитали не думать *«громко об этом»*, боясь, что их мысли, их боль, услышат извне.

Это было похоже на стаю птиц, которая внезапно разлетается в разные стороны, не объясняя причин, просто уносясь в свои собственные небеса.

Но для этого всегда есть причина!

Увы!

Однако, довольствуясь малым в своей двушке с высокими потолками, Нина, встав пораньше сегодня занялась отбором фотоматериала, привезённого из Анталии.

Рабочий день у неё начался в пять утра. Не спалось нашей героине и чтобы не терять, зря время решила она отдаться вдохновению. При этом всего на секунду ей показалась романтической мысль, что, разморозив и приготовив круассан в печи, она одна на старенькой кухне посреди огромного города приготовилась принять его как неизбежное: - при этом запивая горячим кофе, разумеется.

Закончив с отбором кадров, смотря на светлеющее небо за стеклом окна, она провела пальцем по гладкому корпусу монитора DELL. Это был не просто кусок пластика и стекла. Девушка дорожила *«очень умным существом»* стоящем на её рабочем столе - своим верным спутником в мире, где реальность преломлялась через призму объектива и оживала в цифровом пространстве.

Она копила на него средства и покупала специально для работы с фотографиями. Долго колдовала с настройками, словно алхимик, стремящийся раскрыть истинную суть материи. Каждый оттенок, каждая полутень – всё имело значение. Моменты, запечатлённые её рукой, должны быть безупречны. Особое внимание уделяла калибровке цвета. Это был долгое и страстное «танго» с невидимым партнёром - попытка достичь идеального соответствия между тем, что она видела на экране, и тем, что должно было появиться на бумаге.

И вот на экране возник чёрно-белый эпизод. Мужчина, вновь смотрящий пристально ей в глаза, был точной копией её отца. В этом не было сомнений. Именно также уверенно он стоял в их гостиной большого дома, разговаривая со своим тестем по сотовой связи. После этого разговора Нину и её старшего брата Димку очень быстро стали собирать в дорогу. Мама, убрав свои роскошные волосы в тугий узел, молча наблюдала за сборами. Она научилась жить с этой ношей, научилась скрывать страдания. Не любила выбираться в свет, всю себя посвятив семье.

Тётя Лена сопровождала девочку к бабушке в столицу. Она жила подолгу с ними, в разговорах стараясь не затрагивать тему о том, что происходит на самом деле в семье. Дима уехал на Урал, к бабушке Ксении. Больше Нина не видела ни отца, ни брата.

Она помнила тот долгий перелёт через всю страну, который с ней случился в начале её седьмого класса. Помнила, как тётя Лена не хотела отвечать на вопросы, убеждая будто саму себя, что в Москве для подрастающего поколения больше возможностей. Нина стала носить фамилию бабушки, пообещав, что сохранит род Игнатьевых, в котором рождались в последнее время одни только девочки.

Дед же, затаившись сталинским партизаном, после окончания школы сказал внучке, что ни к чему ей все эти универы. Он нанял ей репетитора по английскому и французскому языкам, а ещё стал учить искусству фотографии. Репетитором была женщина с первого этажа их дома.

Светлана Тихоновна преподавала в столичном вузе практически всю свою жизнь. Решив брать у неё только английский, Нина как-то разом приобщилась и к французскому. Это сейчас ей очень помогало в работе, она ловко переводила для своих заказчиков их приключения в Париже. Переводила и фотографировала, разумеется.

Время шло.

И вот уже двадцать пятая весна улыбается ей майским солнцем в это утро. И собираясь развеяться со школьными подругами в торговом центре, Нина будто пыталась увернуться от того, кто не спускал с неё взора с экрана монитора.

Это было тяжело сделать. Давил груз воспоминаний. Но убирать фото с монитора не хотелось.

«- скоро сам уйдёт в спящий режим».

Оглянувшись ещё раз, она вышла из комнаты, совмещающей её личную спальню и рабочий кабинет.

Лёгкий второй завтрак. Отдых. Закрытые глаза, поза эмбриона на диване, плед в крупную клетку.

И слух, погружённый в жизнь кирпичной пятиэтажки. Знакомые звуки. В памяти прошлое и уставший голос мамы, звучавший с другого конца большой страны.

Контрастный душ; стойкое желание поругаться с соседом с первого этажа. Курит в туалете, «зараза». Все возможные ароматизаторы и поглотители ненужных ароматов не справлялись с привычкой желчного мужичка, которого ещё дедушка гонял. Он всё так же хитро улыбался и хранил санки со всяким хламом на антресолях, которые установил над входом в свою квартиру прямо в подъезде.

«- Коренной я! Житель, если что! Понаехали здесь»!

«- Нечего мне указывать»!

«- Опаздываю», – шептали губы.

Ножки, лёгкие и стремительные, ступали по старинному паркету, каждый скрип которого казался отголоском давно минувших эпох. Они несли свою хозяйку, Нину, к шифоньерам, где царила пустота полок и порядок. Она искала что-то особенное, что-то, что подчеркнёт её внутреннее состояние.

Сегодняшний вечер обещал быть интересным. Они давно не встречались. Ужин в «Зелёной собаке» – месте, где стены дышали историей и легендами. Смешными порой и наивными. Воздух же был пропитан ароматами блюд. Тихие разговоры, музыка. Нина, как всегда, хотела быть собой, но при этом чувствовать уверенность. О! Мисс эlegantность!

Её пальцы скользнули по гладкой поверхности дерева дверцы. Остановились на лонг-сливе любимого шоколадного цвета. Оверсайз со спущенными плечами, которые всегда можно было носить обычным классическим способом, он дарил ощущение уюта и свободы. Цвет, глубокий и насыщенный, напоминал об одиноких вечерах, о горьковато-сладком вкусе жизни.

К нему идеально подходили стильные брючки цвета топлёного молока – мягкие, струящиеся, они создавали гармоничный контраст, ничего кричащего, просто тонкая игра оттенков и продуманная эlegantность. Стильная сумочка, вмещающая в себя лишь самое необходимое, и украшения – тонкая цепочка с небольшим кулоном, изящные серьги, которые ловили свет, но не перетягивали внимание. Все было на своих местах, создавая образ женщины, которая знает себе цену, но не стремится к показной роскоши.

Последний штрих – удобные туфельки. Невысокий каблук, мягкая кожа, они обещали комфорт на протяжении всего вечера. Нина подошла к зеркалу, вглядываясь в свое отражение.

Брючки подчеркивали стройность ног. В глазах отражался лёгкий блеск предвкушения, а на губах играла едва заметная улыбка.

«- *И всё же я успела загореть в Анталии, опаздываю*», – снова прошептали губы. Захотелось объятий мамочки.

Вздохнула.

«- *Мне одиноко, вот и брат Димка давно не звонил. Как он там?*»

Брат действительно пропал. Весь в отца, уверенно стремящийся к своему тридцатилетию, он забыл, что у него есть сестра.

Пожала плечом, глянула на часы. Время, которое казалось таким неумолимым, теперь стало союзником. Откинув грустные мысли, Нина чувствовала себя точно готовой. Готовой к хождению в поисках чего-то очень важного по магазинам, к вечеру; к беседам и новым впечатлениям. Готовой к тому, чтобы раствориться в атмосфере торгового центра и ужина в «*Зелёной собаки*», оставив за порогом суету дня. Ужин, обещал быть весьма интересным в обществе тех, кто поддержал её в незнакомом классе двенадцать лет назад.

Перейдя проспект, забежала в торговый центр «Семёновский пассаж». Отдала в ремонт юбку, подобрала с мастерицей молнию взамен сломавшейся. Спустившись на первый этаж, подошла к кассе авиабилетов. Постояла...

Прекрасно понимая, что можно билеты купить онлайн, вдыхала энергию путешествий. А если рискнуть? Забыть про работу и обязательства и отправиться ближайшим рейсом к маме? Кто её остановит? Она давно, слишком давно не была дома. Она хочет его вернуть для себя!

Сделала шаг к кассе, девушка за стеклом подняла голову. С интересом глянула на Нину.

- Сейчас есть акции для тех, у кого прописка на Дальнем Востоке?

Спросила и осеклась. У неё таковой прописки давно не было. Дедушка сразу прописал внучку в своей квартире. А после оформил завещание.

- Вам нужно обратиться в центральный офис на Арбате.

Мелодичный голосок ответил ей на автомате.

- Спасибо.

Вот и всё! Попытка провалилась неудачей. А всегда многолюдная станция метро «Семёновская» отвлекла на определённый момент нашу героиню. Можно так сказать, что развеяла её грусть. Просто Нина стала составляющей сообщества, стремящегося во все направления. Ей передалась необходимость двигаться, ждать, растворяться в звуках и скорости. Вот пожилая женщина, с доброй улыбкой, наблюдающая за суетой с мудрым спокойствием. Вот студент, уткнувшийся в книгу, его лоб морщится, пальцы суетливо скользят по поверхности гаджета. Материал явно не усваивается, а сдавать зачёт придётся.

Каждый человек был отдельной вселенной, несущей в себе свой багаж радостей и печалей, надежд и разочарований. Этот вывод давно прочно засел в голове у девушки. В свою вселенную она пускать никого не хотела, боялась поделиться хоть каплей энергии. Несла её осторожно, как полную чашу с родниковой водой, дорожа каждой каплей. Однако сегодня что-то особенное привлекло её внимание. Не шум, не толпа.

На платформе, среди мелькающих силуэтов, Нина увидела мужчину. Он не выделялся ничем особенным: обычная одежда, средний возраст, спокойное выражение лица. Но в его руках был футляр от музыкального инструмента. Не новый, с потёртыми углами, но от этого ещё более значимый.

Мужчина держал его, словно драгоценное сокровище, и смотрел куда-то вдаль, сквозь стены станции, сквозь спешащих людей, сквозь саму реальность. И на мгновение показалось, что он тоже боится впустить в свой внутренний мир случайного человека. Вот он посмотрел на Нину и той захотелось снова захотелось заглянуть в галерею смартфона, увидеть своими глазами боярина с лицом родным и уверенным как никогда.

«- *все говорили, что я похожа на него*».

«- смуглая и глаза синие».

Подумав так Нина поискала взглядом незнакомого мужчину, которого вроде как нигде уже и не было.

Глава 3. La Belle de Russie.

Оля никогда не была худенькой. Её фигура казалась всем скорее мягкой и округлой, нежной и очень светлой. Это была не та полнота, что вызывает удивление и неприятие. Деликатная юная женственность, которая делала девочку похожей на добрую сказочную героиню, очень шла семикласснице. И этому даже не мешали школьная форма и заколки, украшенные голубыми стразами.

Когда Оля смеялась, щёки девочки слегка округлялись, а в глазах появлялись озорные искорки. Казалось природа вознамерилась сразу поместить одну из наших героинь в готовый образ красивого ребёнка.

Этап «*подросткового, гадкого утёнка*» был ею забыт, потерян, упущен..., понимаете, как хотите.

А глаза... Глаза у Оли были цвета летнего неба в самый ясный день. Чистые, глубокие, с лёгким оттенком бирюзы, они притягивали взгляд и заставляли забыть обо всём на свете. Её волосы натурального светлого оттенка с золотистыми прядями, играли на солнце. Они были густыми и мягкими, и когда Оля распускала их, они ниспадали на плечи волнами, словно солнечные лучи, пойманные в ловушку.

- Привет – сказала она в то утро.

И тревоги ушли... Просто – «*привет...*». Как, оказывается, мало надо.

- Скоро Лиза придёт.

- Лиза?

- Вы похожи с ней, немного. Тебя как зовут?

- Нина.

- Садись с Андреем Репиным, он не обидит. Защитит, очень ответственный у нас Андрей. Ему Лиза нравится, а он ей нет.

- Спасибо. А почему он ей нет?

Незнакомая девочка с золотистой косой до пояса пожала плечиком. И с того самого дня Елизавета Максимова, Оля Краснова и Нина Игнатьева – эта троица, словно три грации, сошедшие с полотен старых мастеров, казалось, были связаны неразрывной нитью, сплетённой из смеха, мечтаний и наивной детской дружбы.

Позднее детские отношения перерастут в девичьи секреты. Ведь Оля, коренная москвичка, была путеводной звездой для Нины и Лизы. Она знала каждый закоулок старой Москвы, каждый камень на Арбате. Шёпот старинных домов она могла пересказать девочкам по великому секрету. А ещё она знала все легенды... Кузнецкого моста, к примеру.

Нина сделала глубокий вдох, пытаясь унять воспоминания. Взгляд её скользил по толпе в торговом центре, и вдруг словно маяк в тумане, она увидела его – знакомый силуэт в джинсовом сарафане. Оля. Сердце ёкнуло тревожно. Но это в последний раз, и вдруг стало всё понятно в жизни и очень спокойно. В этот момент тревоги, связанные с человеком из старинного фотоальбома, отступили на второй план, словно пыль, стряхнутая невидимой рукой. А ещё на мгновение показалось, что тот мужчина с футляром от скрипки прошёлся этажом выше. Обернулся... Нет, показалось. Не он!

Оля!

Нина знала, что именно она, с её острым умом и интуицией, первой заметит фальшь в поведении подруги. Искусственная улыбка, натянутая, чтобы скрыть внутреннее напряжение, не прошла бы мимо внимательного взгляда. Подругая почувствовала бы, что за внешней без-

мятежностью Нины скрывается буря. Нужно было брать себя в руки. Рядом с Олей стояла Елизавета. Они ждали Нину, как и договорились, возле фонтана в торговом центре. Вода мерно плескалась в нём, отражая яркие огни, создавая особую атмосферу и предвкушение шопинга.

Всё было как раньше. Эта мысль окутала Нину тёплой волной ностальгии. Вспомнились дни, когда их жизнь была наполнена беззаботными приключениями. Как они бродили по Арбату, вдыхая его неповторимый аромат, наблюдая за уличными музыкантами и за художниками. Тогда, в юности, они мечтали о будущем, строя воздушные замки, которые казались такими реальными и достижимыми.

Сидели на скамейках в парках. Делились самыми сокровенными секретами, теми, что не доверишь никому другому. Строили грандиозные планы по сдаче экзаменов, которые казались непреодолимыми вершинами. Вместе они были готовы покорить буквально всё на свете.

- Привет!

Прозвучало одновременно. Три голоса, три улыбки. Энергия юности и соблазна, слившаяся в один яркий луч. Громкий смех, словно звон колокольный, разлетелся по торговому центру.

- Девчонки, как же я рада вас видеть! Оля! Твои косы, они всё ещё на месте! Ты же о стрижке поговаривала!

- Девочки, вам бы я сообщила первым, если бы дошла до салона. Но тётя Женя, вы же знаете, она неумолима. А я! Сколько геля извела на кудри. А они!

- Прекрасны, как всегда!

Совсем не замечая взглядов на свои особы, забыв обо всём на свете, обмениваясь в буквальном смысле слова рядами убойной энергии, три грации готовы были отправиться по этажам за новыми впечатлениями. Они уже сделали первый шаг, когда Лиза вдруг остановилась. Что-то неуловимое, коснулось её сознания. Она обернулась, и взгляд девушки встретился со взглядом мужчины, стоящего чуть поодаль. Он был одет в тёмный блейзер, джинсы и водолазку. Нарочитая элегантность нарушала в нём какой-то общепринятый баланс мужского и совсем небрежного в стиле. Мужчина выделялся из толпы. Как ни странно, но он точно хотел этого. Казалось, что в буквальном смысле слова «мачо» решился преподнести себя на суд общества, несколько не сомневаясь в своей неотразимости. Его лицо хоть и было скрыто в тени, но глаза... Глаза «поедали» Лизу с каким-то странным, почти хищным желанием присвоить. В принципе он на всё смотрел именно так.

В этот момент Лиза почувствовала, как по её спине пробежал холодок. Взгляд мужчины был не просто любопытным, он был властным, словно он уже присвоил себе красоту, жизнерадостность и право на свободу трёх подруг.

Необъяснимое чувство тревоги охватило Лизу. Она почувствовала себя уязвимой, словно обнажённой перед этим пристальным, оценивающим взглядом. Её подруги, увлечённые беседой, не замечали очевидного. Она встала между ними, как это делал всегда. Девочки раздвинулись, впуская её под свою защиту. А обернувшись вновь, Лиза заметила, что незнакомец разговаривает с кем-то.

- Нина, ты загоревшая и будто иная совсем.

- В Турции побывала, проект новый отсняла. Девочки, я вам гостинцы привезла.

Через несколько минут, глянув на запястье, Оля с серьёзным видом спросила:

- Это, что золото?

- Сложно сказать. Возможно, очень низкая проба, красиво, прочно и не темнеет. Я уже это изделие, не снимая ношу около двух недель.

- Очень изящно!

Лиза смущённо улыбалась, радуясь подарку. Родня её не баловала такими вот сюрпризами и осмотрев тоненькую цепочку с брендовыми листиками и цветочками Louis Vuitton, она вновь обернулась. Будто почувствовав это, незнакомец также повернул голову в их сторону.

Взгляды девушки и мужчины на мгновение пересеклись. Это было всего лишь мгновение! Но его хватило, чтобы собеседники незнакомца тоже обратили своё внимание на объект внимания их товарища. И будто испытывая чувство вины за это, Лиза переключилась полностью на общение с подругами. Она отвернулась, не желая больше вникать в ситуацию с чужими взглядами.

Поднимаясь на верхние этажи торгового центра, она советовала Нине задуматься о поступлении на факультет *«Коммерческая фотография и графический дизайн»* в ИГУМО.

- Нина, обещай, что подумаешь. Хотя бы заочно. На дистанте учиться в разы легче. Время пройдёт незаметно, и диплом будет у тебя в руках.

- Подумаю, обязательно. Возможно, это действительно выход для меня, последнее время живу совсем одна в кадре чужих страстей. Ну а сегодня, подруга, мы обмываем твой диплом!

- Ой, какая сумочка, девочки!

- Ещё одна в твою коллекцию. Оля, оставь её, у тебя есть подобная. Они у тебя все похожи друг на друга, нацель свой взгляд на нечто новенькое!

Мне ли рассказывать вам, уважаемый читатель, как незаметно летит время в подобных заведениях. Казалось, в твои руки только легли приглянувшиеся босоножки и балетки, шарфик и палантин, а время уже отмотало свои три законных часа. Торговый центр, этот гигантский муравейник, после майских праздников гудел с удвоенной силой. Воздух был пропитан смесью ароматов. Сладковатый запах парфюмерии, терпкий аромат кофе из ближайшей кофейни, лёгкий привкус выпечки, корицы и ценников с цифрами, сводящими с ума. Всё это смешивалось в единую симфонию, призванную соблазнять, манить, заставлять забыть о реальности.

Мои пальцы скользили по гладкой коже ремня с брендовой пряжкой, по мягкому кашемиру свитеров необъятных размеров, по прохладному металлу украшений. Слова *«акции и скидки»* тянули к себе словно магниты. Каждый предмет роскоши был обещанием нового образа, новой себя. Я хотела юности и, возможно, студенчества, как у Лизы. Хотела забыть, что за мной тянется прицеп с тяжёлым и неизвестным прошлым. Что дед – старый партизан и работник сталинской контрразведки говорил, *«не нужно тебе светиться Нина, нужно залечь на дно и выждать»*. Сколько ждать дед не говорил. И мне иногда казалось, что вот так и жизнь вся пролетит... На дне в ожидании!

- Устала!

Присев возле фонтана, Оля улыбнулась довольно. Я глянула в окно. Сумерки! Время! Его вновь не хватало буквально ни на что. В торговом центре оно имело свою особую, коварную природу. Оно не текло, а скорее мгновенно перетекало, растворяясь в мелькании витрин, в звоне кассовых аппаратов, в смехе и разговорах. Три часа, которые мы провели, примеряя, сравнивая, мечтая, пролетели как один миг.

- Я бы перекусила немного.

Лиза смущённо улыбнулась.

Глава 4. Красная Москва.

Москва, вечер. Город, уставший от дневной суеты, окутывался мягким бархатом сумерек. Фонари зажигались один за другим, словно рассыпая по асфальту золотую пыль бликов. Неспешный ритм шагов, гуляющие пары.

Где-то в лабиринте улиц, там воздух пропитан сюжетами старых легенд; улыбающихся и светящихся проекций на стенах; лёгкой дымкой от сигарет – именно там затаилась светящаяся вывеска *«Зелёной собаки»*.

Перед нами был портал в другую реальность, где время течёт иначе, а каждый гость становится частью общей истории. Всего на одну только ночь! Незабываемую ночь.

Музыка пульсировала в сознании. Клуб наполнялся людьми. Казалось, город, погружаясь в вечернюю прохладу, выдыхал эти создания из своих недр.

Я обернулась. Подруги прошли вперёд. Вернее, будет сказать, я от них отстала, потому как всё же натёрла боковую косточку на одной ступне своими красивыми туфельками. Нужно было надевать немодельную обувь. Кроссовки вполне бы сошлись. Вздохнула.

— Девушка, я вас зову!

Пожилая женщина в неброской одежде смотрела мне в лицо. Обычная такая женщина. Напомнившая мне почему-то гардеробщицу, работающую в старом школьном гардеробе. Я хотела сказать ей, что не слышала, как она меня звала. Но ведь я же обернулась – значит, слышала. Хотя точно знала, что нет.

— Добрый вечер.

— Вам передали это.

После короткой фразы женщина вложила мне в руку объёмный пакет из плотной бумаги. Он был неожиданно тяжёлым, словно внутри лежало что-то невидимое, но очень плотное.

— Кто передал?

Я удивилась и от неожиданности остановилась.

— Мужчина со старым футляром от скрипки в руках, он ждал вас, а после сказал, что времени у него в обрез.

Голос говорившей был низким, он звучал почти как шёпот. Но каждое слово я воспринимала с удивительной ясностью. И мне казалось, что я наперёд знала, о чём она скажет.

— Мистика какая-то! Я не знаю никакого мужчины. Вы, наверное, ошиблись!

— Вас же Нина зовут, вот водолазка и брючки, всё как в описании. Что же здесь мистического? Если договорились с родственником приедем, то вовремя нужно приходить. Хотя я вас понимаю, дело молодое.

- Родственником?

«- неужели Димка прислал мужика, которого я видела в метро? Действительно, что же здесь мистического. Куда он влип, если сам приехать не смог?! Примерно с прошлого лета от него не было звонков».

Почувствовала лёгкий холодок, пробежавший по спине, хотя вечер был тёплым. Меня позвали подруги, и я обернулась, махнув им свободной рукой, что уже иду. А когда вновь повернулась, женщины не было на месте. Она просто испарилась бесшумно. Только плотный пакет размером примерно в половину альбомного листа, с едва ощутимым запахом старой бумаги и чего-то ещё, остался в моей руке. Я сжала «передачку», чувствуя солидную весомость, и сунула её в брендовый пакет, в котором лежала обнова, приобретённая в торговом центре. Поспешила к подругам, стараясь не думать о странной встрече. Сгорая от нетерпения, приказала себе распаковать послание от Димки только дома.

Мы с Лизой и Олей, сделав заказ, сидели за столиком у бара, наблюдая за танцующими. И я буквально ощущала, как нарастает предвкушение. Не знаю, чего, но оно витало в воздухе, как предгрозовая тишина в лесу. Хотя тишины-то как раз и не было. Пустые глазницы мадам Жужжу казалось с нотой издёвки во «взгляде» следили за нами. Она стояла в каменной нише, подсвеченная зелёным спотом. Манекен – скелет в платье, роскошь которого была старой и увядающей. Вся эта инсталляция была для меня будто вскрытая могила. Фу, какая гадость. Не люблю я кладбища, не люблю все эти сказки про Кузнецкий мост и про Москву в целом. Оля нам твердит про разломы времени и задушенных чёрным чулком журналистах, расследующих дело Саввы Морозова. Я же считала, что промышленник-кутила жил в своё удоволь-

ствие в прошлом веке и помер с размахом. Не моё это дело! Своих проблем выше крыши, вновь вспомнился пакет, что женщина сунула мне в руку в подворотне... Димка! Сердце ныло от предчувствия неминуемого.

- В Зелёной Собаке каждый четверг Алкогольный Беспредел! Только для обладателей карты «*Особый гость*» — скидки до 50% на весь бар! Приходите, собирайте друзей и заряжайтесь атмосферой ночи, где можно всё! С такими скидками вечер обещает быть жарким и незабываемым.

- Оля, сегодня суббота, и у нас нет этой самой карты. Зато есть диплом Лизы! За подругу! Ты просто супер - детка!

Наспех пригубив бокал с вином, Оля продолжила развлекательную программу.

- В субботу иная программа: — выпить сет из домашних настоек, пригласить подруг в бар. Мы уже! Пригласились! Сделать селфи с мадам Жужжу — я вам рассказывала о её призраке. Познакомиться с барменом, станцевать с незнакомым парнем. Завести карту «*Особый гость*». Угостить друга коктейлем «*мадам Жужжу*». Хорошо, что уже открыли летнюю террасу и часть прибывших гостей обоснуется на ней.

- Да что же это за такая «*Особая карта*» и мадам Жужжу! Только они в программе, а как же мой диплом?

Лиза капризно поджала губки. Её пальчики очень элегантно держали высокую тонкую ножку коктейльной рюмки с конусообразной чашей на конце.

И тут очень решительным ответом на этот шуточный вопрос виновницы торжества на наш столик вдруг встало три коктейля, которые мы не заказывали.

- Мне кажется, или мы уже встречались сегодня? Поздравляем с получением диплома.

Я услышала его. Голос. Низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, он мгновенно приковал наше внимание. В нём чувствовалась наглая уверенность. Сейчас её модно называть спокойной силой того, у кого есть на данный момент значительные средства. Подчеркну словосочетание - на данный момент. Потому как всё меняется в нашей жизни. И я тому, увы, прямой свидетель. Это был голос человека, который знает, как говорить с девушками в барах, человека, который умеет вести разговор так, как нужно только ему.

Я подняла глаза, ища источник чарующего тембра. Он стоял у стойки с друзьями, лицом к нам. Широкие плечи, лёгкая сутулость, уверенный взгляд. И тут меня пронзила странная мысль, почти осязаемая: мне, казалось, что я видела его сегодня во время шопинга. Не могу точно вспомнить, где, но образ его лица, осанки, мелькнул где-то между витринами бутиков и блеском зеркал.

«- *Ещё один... человек, точнее группа людей, следящая сегодня за нами.*

Идти на танцпол расхотелось. Лиза, откликнувшись на моё замешательство, повернулась. Её взгляд, напряжённый и будто испуганный, хотел сказать мне истину, о которой я и сама уже догадывалась.

Всё это происходит мгновенно.

- Это вопрос или утверждение? – спрашиваю громко, не притронувшись к чужому бокалу.

- Скорее утверждение. Наши пути пересекались сегодня не единожды. Ваша подружка разве не рассказывала, как строила мне глазки?

Лиза сжимает мою ладонь под столом. Я знаю эту девушку как себя!

«- *Елизавета строила глазки?! Ты о чём, братан?!*

- Это точно судьба! Так будем же выполнять правила этого клуба. Угости друга и станцуй с незнакомкой. Я угощаю!

Его голос, теперь обращённый только ко мне, звучал ещё более завораживающе. Он смотрел прямо в глаза, оставив Лизу в покое. Смотрел так, будто выбирая между нами двумя, принял окончательное решение. Так было всегда! Сильные и наглые выбирали меня. Спокойные и

вежливые – Лизу. Мы были действительно с ней похожи. Но только внешне. И если честно, мне не хотелось делать вид, что происходящее сегодня в клубе всех нас устраивает. Я чувствовала, как Лиза откровенно напугана, её пальцы продолжали сжимать мою ладонь.

И я была готова в буквальном смысле слова вернуть с небес на землю её обидчика, если бы он таковым оказался. Но, глядя на мужчину, я понимала, что ничего плохого не происходило. Пока! Он просто говорил. Просто смотрел. Просто был. Просто присел рядом, что вместе с ним сделали и его друзья. Но это *«просто»* было настолько наполненным, что казалось, будто весь клуб замер, прислушиваясь к нашему диалогу.

Я знала это напряжение!

Оно всегда витало вокруг моего отца! Вокруг брата и его друзей. Опасное, умеющее держать собеседника в узде.

Откинувшись на спинку стула прищурился, я наблюдала. В груди скручивался тугий узел непонятных ощущений. Пальцы нащупали в сумочке на коленях электрошокер. Мы будто были созданы друг для друга с нагловатым, элегантно одетым *«залётным фраером»*. Да вот только дело было в том, что именно такие мне и не нравились.

Оля, не любившая скандалов, поёжилась, проглотив небольшой кусочек креветки из салата. Опустив взор, она потянула лёгкое вино из своего бокала. Вечер явно принимал совершенно другой формат. На него мы с подругами совсем не рассчитывали. Кудри Оли, будто только и, ожидая влажности в воздухе и внимания со стороны мужчин, мне кажется, стали более упругими. Один из незнакомцев, очень смуглый, с резко очерченным контуром губ просто завис, не в силах отвести взгляда от моей белокурой подруги. Она глянула на него, ожидая вопроса. Когда люди *«так»* смотрят, они обычно после спрашивают о чём-то. Но мужчина молчал, впитывая своим тёмным взором омут её небесно-голубых глаз.

Народ прибывал, заполняя пространство. Это напрямую зависело от того, как на город опускалась темнота. С каждой минутой, с каждым новым человеком, входившим в клуб, атмосфера становилась плотнее, насыщеннее, и в этой какофонии звуков и запахов голос мужчины возле меня прозвучал особенно...

«-Как особенно?» - спросите вы.

«- Не то чтобы неожиданно».

Доверюсь в ответ.

«- Наступательно. Противник явно решил идти на штурм».

- Потанцуем?

- Вот так сразу?

- Что должно быть у мужчины, чтобы такая, как ты согласилась быть с ним?

- Какая такая?

- Москвичка, знающая себе цену. Говорят, этот город любит деньги.

- Деньги любят все. Ты их не любишь?

- Тебя разве не учили, что это не прилично.

- неприлично, что?

- Отвечать вопросом на вопрос.

«- мой папа и его братва тебе бы кадык вырвала и проглотить заставила».

«- а после учили бы с порядочными девушками разговаривать».

Взгляд Лизы умолял не усложнять и без того сложную ситуацию.

- Мне отлучиться нужно.

Выходя из-за столика, наклонившись к незнакомцу, обдала его своим дыханием и ароматом. Увидев его мурашки на коже шеи и буквально ощутив плотское желание самца, спросила осторожным голосом:

- Зачем тебе такая, как я? Москвичка. Я жрать не готовлю и не сосу у мужиков, гордость мешает.

Мужчина закаменел, изумлённо вытаращил глаза на друга, сглотнул вязкую слюну. Я же, выйдя на финишную прямую, оглябая танцующих, направилась в туалетную комнату.

«- Так себе ситуация.

- И не говори. Нинок, а ты завела его. Зачем? Надеешься на курсы самообороны?»

Пожала плечом, поправила соскользнувшее плечико лонгслива.

«- говорила же не люблю таких вот, думающих, что могут всё купить».

Напряжённо всмотрелась в лицо девушки в зеркале. Не просто так: – изучала, словно незнакомку, которую вдруг встретила после долгих лет разлуки. Отражение моих глаз меня интересовало больше всего. В них явно проснулась «жизнь» и интерес к ней. Всего один бокал сухого вина и такие изменения.

Или это ситуация в целом так взбудрила? Драйв. Охота.

«-Интересно быть в роли жертвы? Мечтаешь напасть исподтишка? Отцовские гены проснулись?»

«- А что потом?»

Я провела пальцем по холодной поверхности зеркала, пытаюсь дотронуться до этой новой себя. Звуковым фоном журчала вода в одной из кабинок туалета, гремела музыка в зале.

Уголки губ дрогнули в лёгкой, почти незаметной улыбке. В этот момент, словно по волшебству, в памяти скользнул образ.

Ещё один.

Сосед по столику, пришедший раньше нас. Я мельком взглянула на него, когда мы только вошли в кафе, и его образ, казалось, запечатлелся где-то на периферии моего сознания. Теперь же он всплыл, чёткий и ясный, словно фотография.

Порядочная и интересная молодая особь мужского пола. Такие мне были интересны. Именно так я его тогда и оценила, интуитивно, на уровне ощущений. В нём не было этой ауры хищников и нападающих, которая так часто окружает многих мужчин, особенно в больших городах. Его взгляд казался открытым, спокойным и чем-то занятым без тени агрессии или скрытых мотивов. Мне казалось, что он будто мысленно работает над очень интересной идеей. Этим мы с ним были похожи внутренне.

Почему я о нём подумала?

Раньше я бы, наверное, даже не обратила внимания. Или если бы и обратила, то лишь для того, чтобы тут же отмахнуться, как от чего-то неинтересного. Я не планировала для себя на ближайшее время серьёзных знакомств. Вдруг поняла, что точно хочу уехать к маме или к брату на Урал.

Мысль осталась без продолжения, потому как образ отца на снимке прошлого века опять застил буквально всё для меня.

И я поняла, что не знаю, чего хочу здесь и сейчас.

Вот прямо сейчас!

Бокал сухого вина, наверное. Или чего покрепче.

Нет! Я просто обязана на трезвую голову срочно ознакомиться с тем, что в спрятано в конверте.

Спасаясь от самбй себя, вернулась в зал.

Под новую музыкальную композицию встретила взглядами с Олей и поняла, что ситуация в целом и ей не по нраву. Столик пополнился новыми заказами. Подсевшие вот так без приглашения к нам ребята готовились плотно отужинать и испробовать на своей собственной шкуре рекламный слоган алкогольного беспредела.

А что потом?

- Ты смутила меня детка. Давно со мной такого не было. Разве может девушка быть столь цинична? Покатаемся после? Мой друг за рулём, и он обещал сегодня обойтись без алкоголя. По-оогворим. Тебе понравится, обещаю.

- Ты так думаешь?

Прищурила глаза, думая о конверте и о том, что хочу срочно попасть домой.

- Ты покажешь мне ночную столицу, а после мы поедem ко мне. Закажи себе и подругам что-то, мы угощаем.

Бросил он покровительственно, стараясь в глазах своих спутников оставаться прежним.

Я смотрела на двух его друзей, возле которых на столе стояли пустые стопки. Успели, значит, накатить.

«-Без алкоголя отдыхаем», — брехал их подельник.

Мой совсем *«не собеседник»* наклонился, желая снова ощутить желанный и возбуждающий аромат понравившейся ему самочки. Лиза, будто мысленно находясь сейчас в другом месте сжавшись и стараясь не контактировать взглядом со смуглым брюнетом, сидящим возле Оли, готова была просто исчезнуть из этого мира.

Она слышала вопрос... и ждала от меня очередного резкого ответа на него.

И тут совершенно особенно, как тень вдоль стены, оказавшись сбоку от Оли сосед по столику, наклонившись к ней что-то шепнул как старой знакомой. На первый взгляд они были просто друзья. В глазах подруги мелькнуло узнавание, удивление, здравая оценка ситуации.

Сработала, как всегда, Олина категоричность и умение принимать быстро решения. Она кивнула почти незаметно мне и шепнула что-то одними губами Лизе.

- Мы ненадолго.

Девушка улыбнулась пухлыми губками, откинула косу на спину. Её невозможно было заподозрить в чём-то плохом. Подхватив сумочку с пакетами, в которых лежали наши обновки, она, вильнув тактично бедром, спокойно направилась в сторону дамской комнаты. Мы с Лизой настолько привыкли доверять ей, что, совершенно не задумываясь о последствиях, повторили все действия подруги.

Боковым зрением я видела, как один из приятелей, подхватив что-то со своей закусочной тарелки вилкой, заглотив это, смотрел в нашу сторону. Спустя мгновение он стал подниматься из-за стола.

«- *самец, вышел на охоту, он решительно собрался сегодня добиться своего».*

Глава 5. Абсурд.

Мою спину сверлил взгляд одного из *«кавалеров»*, навязанных абсурдом всей ситуации в целом. Неужели пойдут следом? Хотелось обернуться, а после, мотнув волосами, выгнув призывно спину, пуститься в бег для того, чтобы подкараулить за углом неприятеля. Подкараулить и низвергнуть разрядом удобного в обращении электрошокера.

«Бу!»

Неоновые огни *«ласкали»* стены клуба, окрашивая их в кислотно зелёные оттенки.

Зловещий танец с мадам ЖужЖу состоялся. И в нём мы вынуждены были принять участие. Вот вам и проза жизни, в которой всего одна встреча может изменить в твоей судьбе буквально всё.

Нога моя не ступит больше в это заведение!

Необработанный на первый взгляд кирпич в старинной кладке стен, свидетель многого в своей жизни, усмехался мне вслед 3D проекцией. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, готовая вырваться на свободу.

«- *Нельзя бежать»*, – прошептала я себе, пытаюсь унять дрожь предвкушения.

«- *Я не жертва»!*

Ещё раз, вспомнив про электрошокер в сумочке, пыталась мысленно вернуть себе контроль над ситуацией.

В узком, но длинном помещении туалета, незнакомец с широкими плечами уверенно возился у окна. Сосед по столику оказался тот ещё выдумщик! Я пыталась запомнить его лицо. Он сдвинул что-то, освобождая подступ. А после какое-то время возился с увесистой ручкой окна, открывая его по полной. Наконец, в помещение ворвался свежий ночной воздух большого города, и парень повернул к нам голову:

- Ну, что, кто первый? Давайте побыстрее, а то эти, - он кивнул на дверь, - могут по нужде наведаться.

Дверь за спиной девочки закрыли на швабру. Мы делали так иногда в классе, когда оставались втроём на уборку. До меня стал доходить абсурд ситуации!

В окно! Ночью! Бежать из клуба! В центре Москвы! Это ещё хлеще, нежели есть подсохший круассан также в центре огромной столицы в одиночестве на старенькой кухоньке. Вот это мы развеялись! Будет что вспомнить в старости, найдётся о чём писать мемуары.

Взглянула на Олю, её глаза буквально фонтанировали удивительной энергией. Это был не просто живой блеск. Это было что-то глубинное, пульсирующее, словно отражались в голубых омутках все искорки, застывшие в капельках летней росы. Казалось, все мы были на пороге чего-то очень важно. Только мы ещё не понимали этого.

Девушка аккуратно сдвинула мой подарок на край запястья, боясь его зацепить и потерять. Браслетик сиял на нежном девичьей руке.

- Ну, что, подруга – ты первая. Нам сподручнее будет помочь тебе всем вместе. На него одного я тебя не оставлю.

Я выразительно глянула на парня.

- И вправду! Первая так первая! Согласна, что кому-то одному мои почти девяносто вытаскивать будет тяжело.

За запертой дверью послышался шум, ручку дёрнули пару раз. Швабра, дрогнув и накренившись, сделала намёк, что ненамеренная она вот так удерживать неприятеля.

В это время сосед уже мужественно подставил свои руки и плечи для «восхождения» на высоту первой беженки, а Оля, уцепившись за подоконник, как-то очень красиво приподняв шикарную джинсовую юбку от сарафана, слушая наши дельные советы, действовала чётко! Так, будто всю жизнь только и занималась, что лазаньем из окон. Её коса совсем распушилась.

Господи, вот что снимать нужно! Какой кадр! Как много я упустила в своей жизни! Подруга обернулась, она улыбалась, будто прощаясь навсегда. Будто собралась как Алиса в Зазеркалье. И вот Оля уже на подоконнике в складках джинсовой ткани вокруг талии выглядывает из окна на улицу. Прислушивается.

- Полдела сделано, - бормочет, - никого там нет? Точно нет.

Хоп, и она ловко скользит наружу! Захотелось оказаться возле неё, сбросив оковы из запахов общественного туалета.

- Девочки, я на месте! Кто следующий?

А следующей была Лиза. А после – я. Это был просто дубль – два и дубль – три.

Сосед наш оказался парнем сильным, он просто как нечто ненужное закинул меня на подоконник. Стало даже обидно. Он явно был на своей волне, и мы его интересовали с какой-то уж очень профессиональной точки зрения. Вот его широкие, тёплые и крепкие ладони застыли на моей талии, он сжал их. Его дыхание рядом. Ничего личного! Также он переставлял короб до этого. Вот я на подоконнике, балансирую, потому что меня поставили так, что судорогой свело мышцы ноги.

«- может быть, он мент?»

«- бывший».

«- да вроде не похоже».

Эта мысль была последней, связанной с незнакомцем. В данный момент я даже не задумывалась, как он выйдет из помещения туалета. Что он скажет залётным гастролёрам, желающим оторваться по полной в столице. Да будет ли он вообще им что-то говорить...?

И вот, ощутив под ногами нечто твёрдое, наслаждаясь ночным воздухом, забрав с земли пакеты с обновками, мы скользнули призрачными тенями в сторону. Со всем своим молодым порывом бежали прочь от ночной клубной жизни Москвы, с благодарностью вспоминая помощь проведения. А в принципе, наверное, не очень даже осознавая, чего нам удалось избежать.

Свежий воздух бодрил.

- Откуда этот туман? Мне он кажется? Девочки, подождите!

Затормозила нас Лиза. До станции метро оставалось совсем ничего. Но именно её голос привёл меня в чувство. Самая незащитная из нас, она была весьма наблюдательной особой, и я взглядом проследила за её поднятой рукой. Странно было то, что мы вообще смогли заметить туман в темноте ночи. В этом месте улицы Кузнецкий мост даже фонари были отключены, и оттого сияние полной луны на тёмном небе казалось удивительно правильным и нужным. Оно не просто пробивалось сквозь пелену тумана, сияние *пронизывало* его, превращая обычную ночь в большом городе в нечто мистическое. Мы шли, неспешно, словно растворяясь в молочной дымке. Шли скорее по инерции, не понимая привычного, а именно: - как вызвать в эту часть города такси?

Вот ещё один шаг, наши напряжённые взгляды то обращены друг на друга, то разглядывают номера на домах. Мир сузился до нашего маленького островка осознания странности происходящего.

Старинные здания Кузнецкого моста, обычно такие строгие и монументальные, теперь казались призрачными, выплывающими из небытия и вновь погружающимися в него. Лепнина и барельефы, скрытые в темноте, были слегка подсвечены. Это создавало игру света и тени. Скорее больше тени... Тени повсюду! Подворотни.

Оттуда за нами наблюдали...

И мы не разговариваем. Слова кажутся лишними и неуместными. Далёкие звуки ночного города, нарушаются лишь шорохом наших шагов. Город, который доносит до нас свою сегодняшнюю историю, он просто фантом из другого измерения.

Возникла мысль...

О чём?!

Не помню! Ведь тишину и эту самую мысль испугал шум колёс и цоканье копыт о мостовую.

- Вот странности, - пробормотала Оля, - с чего бы туману сейчас быть? Обычно он по утрам, а тут ночью...

Я смотрела на экипаж, подсознательно считая, что это несамостоятельная единица бытия. Предполагая, что транспорт прошлого — это призрак, отпихнула дурную мысль, считая её слабостью.

- Оля ты удивляешься туману, но не карете.

- Но лошади ведь живые.

Именно под эти слова я шагнула с проезжей части улица на пешеходную. Просто сделала это машинально, удерживая в руке пакет с обновкой и сумочку. Тень кучера правила экипажем размерено и карета из Большого театра, а вернее его реквизит... Так подумалось мне в этот момент. Она ехала прямо на нас.

Однако зная, что всему есть объяснение, я решила, что пьяны сегодня все. Вот и кучер также пьян. А как же иначе? В общем, решившись направить *«реквизит»* в нужное место, он хлебнул изрядно не закусывая. А почему он ночью едет? Ну, конечно же, ночью это нужно было сделать. Так чтобы никто не видел... э-э... Смену локаций.

Вот и всё объяснение!

- Экипаж подан, сударыня, - эту фразу прошептала Лиза, повернув ко мне лицо.

Её прохладная ладонь сжимала мою. И эту фразу я хотела отбросить, мысленно уже вызывая такси и включая компьютер в спальне своей квартиры, но карета действительно остановилась! Перед глазами мелькнули цифры дома напротив 13/9. Тринадцать, какое число нехорошее, и я хотела сказать, что такси будет дешевле, но дверца открылась, как бы приглашая войти.

Она не то чтобы распахнулась настежь, но и точно уже не была закрыта. Не решаясь предпринять хоть что-то, мы застыли с девочками в нерешительности. Внутренность экипажа, тёмная и какая-то очень правдиво старинная, откровенно пугала. Мне не хотелось даже заглядывать в неё! И всему виной был кусочек пола в карете, который был виден. Ничего особенного, конечно. Но он был чёрным, как преисподняя. Он не был просто тёмным деревом или чем-то иным. Он был поглощающей свет материей. Словно сама ночь сгустилась и застыла перед моим взором. От него исходила какая-то необъяснимая тяжесть, будто он впитал не только свет, но и жизни тех, кого перевозил когда-то. Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

Однако вновь откинула эти мысли, стараясь казаться сильнее, чем была на самом деле.

Лиза, обычно спокойная и рассудительная, в буквальном смысле слова не дышала. Её глаза, были расширены от чего-то похожего на страх. Она не отпускала мою руку, пальцы сжимались всё сильнее. Оля нервно теребила край своего сарафана.

- Мне это кажется, или нам действительно, лучше доехать до оживлённой трассы на этом, - прошептала Оля, и её голос... Я не хотела бы давать точное определение, но он явно был не таким, как всегда.

Карета чуть сдвинулась, дверца приоткрылась сильнее. Нетерпеливый конь всхрапнул. Силуэт на фоне тусклого уличного фонаря казался вырезанным из самой тьмы. Она не была похожа на обычные старинные экипажи, которые иногда можно увидеть на реконструкциях или в музеях. В ней было что-то неправильное, что-то, что нарушало законы времени и пространства. Колёса, не касаясь земли, окутанные туманом, были чрезмерно большими.

- Это какой-то розыгрыш, стоит нам войти в неё, и что-то обязательно произойдёт, - предположила Лиза, её слова звучали неубедительно. Никто из нас не знал никого, кто бы мог устроить подобное. Но мы уже готовы были согласиться с этой версией происходящего. Наверное, поэтому и кучер молчал, посмеиваясь над нашим испугом. Интересно где спрятаны камеры, наблюдающие за нами? Ну точно никто не стал бы использовать такую жуткую декорацию просто так. Их цель произвести фурор съёмкой в центре столицы.

- Просто декорации перевозят из Большого...

- А что они здесь делают? Где театр и где мы?

- Кучер пьян и спит, наверное. Вот кони и идут как им хочется

Ничего здравого больше в голову не приходило. Всего две версии и каждая из них имеет право на жизнь! Но вот звуки голосов раздались в стороне, а ещё шорох шин медленно едущей машины. Она кралась в тумане между домами, точно разыскивая именно нас! Воображение отказывалось что-либо предпринимать. Мы прислушивались, смотря уже не на карету, а за неё. Именно оттуда раздавались звуки. И они тревожили нас с подругами куда больше, нежели старый реквизит, который должен быть вот-вот рассыпаться от возраста.

- Ты видишь их Макс?! Куда они подевались, шалавы? Я точно запал на блондинку и не отпускал бы её от себя несколько суток.

- Они не могли вот так просто смыться, говорю тебе. Не проходили мимо! Я лично, как всегда, стоял у входной двери!

Наконец-то мы услышали голос третьего, который молчал всегда. Захотелось просто исчезнуть из этого города.

- Что за хрень!

- Это, что карета!?

Не задумываясь, поняв точно, что это пришли за нами, я рванула в грёбанный экипаж. Карета, не карета! Реквизит так реквизит! Какая в пень разница! Мне уже было откровенно всё равно. Девчонки пискнув, шурша пакетами, последовали за мной.

- Куда-то же её везут эти лошади. А значит, нам точно по пути!

- Карету, мне, карету, - шептала подвыпившая Олька.

Лиза шептала, что-то про каблук на левой ноге. А я стукнула по стене, оббитой кожей, ладонью, желая, чтобы меня услышала только тень кучера.

Буркнула не тихо, но и не истерично громко, подражая киношному герою.

- Трогай, милейший!

Глава 6. Ву.

И карета тронулась. По дверце снаружи прошла чья-то рука! Вскользь. Я точно знала, что она оставила на полированном холодном дереве едва заметный след, который тут же начал испаряться.

— Эй! — Раздался знакомый тембр, настойчивый и наглый.

— Стоять, сказал! За ужин кто платить будет?

Это звучало как-то слишком! Мы отпрянули с девочками вглубь, точно помня, что изначально оплатили заказ. Прижимаясь друг к другу, словно пытаюсь слиться с обивкой, сиденья, не дышали. Хотелось скинуть обувь и забраться с ногами, спрятаться в затхлом углу от вторжения в наш хрупкий мир. Интуитивно взмахнув рукой, я схватилась за широкую петлю из кожи, висевшую сбоку, и, затаив дыхание, глянула в окно. Лицо «фраерка» из клуба, того самого, что так навязчиво пытался скрасить наше «одиночество», расплылось в тумане, словно призрак. Его рот кричал в бешенстве, что мы должны ему! Но слова тонули в грохоте колёс.

Экипаж набирал скорость, неумолимо унося нас прочь от неприятностей этого вечера. Прогнувшееся от времени сиденье не сдерживало тряски, каждый толчок глухо отдавался во всём теле.

- Да что же он так увлётся, ненормальный, — прошептала я, пытаюсь унять дрожь.

- Мы достаточно уже оторвались от преследователей, так и метро проедем. Мужчина! Ей! Остановитесь! Я рассчитаться хочу!

Желая заинтересовать кучера последними словами, звала его, что было сил! Но звук моего голоса, полный недоумения и злобы на ситуацию в целом буквально утонул в грохоте колёс по мостовой. В диком, неистовом ритме, который казался невозможным, мы неслись в неизвестном направлении. Карета была очень старой, она могла просто развалиться, отправив нас на тот свет.

А после!

Мне показалось!

Мы в буквальном смысле слова вихрем крутанулись будто вокруг своей оси. Земля под нами исчезла, небо завертелось в безумном танце. Девочки кричали, хватаясь за воздух, их пальцы скользили по поверхности старой каретной стяжки на стенах, не находя опоры. Пакеты с покупками, ещё недавно казавшиеся такими важными, теперь беспомощно падали на пол, разлетаясь в стороны. Подобрал пакет, отданный мне неизвестной женщиной, я прижала его к себе вместе с сумочкой. А после мне прямо в грудь упечаталась ещё чья-то брендовая сумка-шопер с вещами.

Карета неслась, на невероятной скорости.

- Девочки, я рассказывала вам про экипаж серый с Кузнецкого Моста! Это он! Точно он!

- Всего лишь миф!

- Нет Лиза!!! Не-е-ет!

Это было последнее, что я слышала понятного для себя. Потому как мне вдруг показалось, что возница оглянулся и заглянул в узкое оконце встроеное под крышей кареты. Я не видела его глаз! Тёмные провалы на очень бледном лице смотрели на нас.

Незлобно! Нет! Страшная, жуткая пустота его взгляда! Она искала меня, разглядывая с позиции невероятной силы, как насекомое! Искала Олю и Лизу, будто надсмехаясь и радуясь, что наконец-то получила то, что очень давно хотела себе в награду. Она буквально засасывала разум и тело в воронку серого тумана. Жутко серого! Кружила неистово! Туман сгущался, превращаясь в непроглядную пелену, и не было от него спасения! Я перестала воспринимать звуки, мечтая потерять сознание, желая смерти, потому как вся превратилась в созерцание неминуемого! Чувствовала, как холод проникает сквозь одежду, как сердце печёт, разрываясь в груди.

Падение в бездну! Оно следовало за нами неминуемо! А после мы следовали за ним, летя буквально в пропасть!

В место, где законы физики переставали действовать, а реальность искажалась до неузнаваемости. И где-то там, в этой кружащейся тьме, я чувствовала присутствие. Невидимое, но осязаемое. Оно было в каждом порыве ветра, в каждом испуганном крике моих спутниц. Оно было голодным, жестоким и очень несчастным.

И вот дверцы кареты открылись! Туман ворвался в салон! Оля, протянув руку, на которой обозначился мой подарок, вдруг стала исчезать, таять на глазах. Умоляя только глазами, она просила спасти её! Туман! Он крал подругу у нас навсегда!

Поняв это! Жутко закричала Лиза, она рыдала, обратив на себя внимание тьмы. Подхваченная невероятной силой, девушка, как безвольная кукла выпала из повисшей в мёртвой петле кареты. Бессознательное тело нашей тихони Лизы исчезало! Медленно оно становилось пустотой!

-Лиза! Лиза! Нее- ет!

Я осталась одна. Одна! Серая масса обволакивала, проникая в каждую клеточку тела, высасывая тепло и желание жить! Я чувствовала, как существование буквально истончается, превращаясь в нечто эфемерное, почти прозрачное. Я переставала существовать! В голове мелькали обрывки мыслей, образы прошлого, лица близких, но всё это было так далеко, так нереально. Они предавали меня забывая.

Пасьянсом ложились карты совсем другой судьбы. Руки тётъ Светы раскладывали всё иначе! Её «*королевский парад*» наконец-то сложился!

Всё замедлилось вокруг.

Вдруг сквозь пелену тумана, я увидела его. Возница. Он стоял у открытой дверцы экипажа, его тёмные провалы глазниц смотрели прямо на меня. Одежды развивались. Лицо напоминало череп с очень гладкими и светлыми костями. В глазницах не было ни злобы, ни радости, только бездонная, всепоглощающая пустота. И в этой пустоте я увидела себя. Попыталась закричать, но из горла вырвался лишь хриплый стон. Руки, ноги, всё тело перестало мне подчиняться. Чувствовала, как растворяюсь, как становлюсь частью этого жуткого тумана, частью проклятия, наложенного на экипаж.

На жутком лице возницы появилась едва заметная, очень спокойная улыбка. Улыбка удовлетворения. Он получал то, что хотел.

Возможно, ещё одну душу!

Мою душу!

И всё же! Мысленно собирая в кулак свою сущность, не желая над собой чужой власти, я вспомнила, то, что не давало мне покоя последние дни!

Чёрно-белый снимок! Тринадцать лет, как его лицо стало для меня лишь призрачным отражением в мутном зеркале памяти. Мечтой, сотканной из ясных летних дней на море и воспоминаний.

Я помнила его вопреки всему, вопреки времени, что стирает даже самые яркие краски детства.

Помнили и повторяла как заклинание в душе:

«- Мне есть для чего жить! Я не продам свою душу за долги, потому как нет у меня этих долгов. Всегда по всем счетам своей короткой жизни я платила только сама, зарабатывая себе на жизнь своим трудом. Оставьте меня! Слышите!»

Эти слова были моим щитом. И будто в подтверждение мыслей мелькнула картинка, как я приглядываю банковскую карту к терминалу, расплачиваясь за заказ. А после забытым ароматом потянуло, туман стал исчезать. Я замерла, оглядываясь по сторонам, но никого, кто мог бы быть источником этого запаха, не было. Возница стал удаляться, растворяясь в предрасветной мгле, только старые здания и их окна, смотрели на меня с немым укором.

Над Москвой осторожно занимался рассвет.

И тут я увидела её. Она стояла у витрины старинного ювелирного магазина, силуэт дамы был размыт в полумраке. Высокая, стройная, в длинном тёмном платье, она казалась призраком из другой эпохи. Её волосы были собраны в высокую причёску, а на шее блестело ожерелье, переливающееся в свете затухающих фонарей. Я не могла разглядеть её лица, оно было скрыто в тени, но чувствовала взгляд, пронзительный и холодный.

Аромат Кузнецкого Моста исходил от неё.

Он был её аурой, её историей.

Он был моей памятью о детстве. Так пах тот флакон, который берегла моя мама. Она говорила, что мой отец, признаваясь ей в любви когда-то на заре их юности, дарил ей эту роскошь. Много потом было подарков, дорогих и просто безумно дорогих. Но этот флакон...

- Коробочка вот только потерялась от парфюма, столько переездов было...

Звучал мамин голос в сознании.

- Барышня, да что же вы замерли посреди мостовой! Того и гляди, что экипажем заденет. Ступайте вот под навес.

Перед глазами мелькнула вывеска «*Фотография Мебиуса*» и навесы над окнами непривычной фактуры. Из белёного грубого натурального холста, тканые в серую широкую полосу, они напоминали мне улочки в Париже. Или в синюю полосу ткань сия? И всё же это ткань! Только не в серую! Полоску! Перед глазами всё поплыло в тумане. Реальность ложилась одна на другую. Как разные слои одной и той же фотографии в фотошопе. Позже стали одним целым.

Название магазина «*Мюр и Мерилиз*», доконало меня основательно и покачнувшись, приложив ладонь к виску, стараясь хоть что-то понять, я глянула говорившему мужчине в лицо.

Толстые розового цвета щёки, усы и карие глаза порадовали меня своим видом. Они напоминали того артиста, что повара играл в сериале «*Кухня*».

«- какие интересные у него глаза прикрытые снизу толстыми щеками. Нос большой, усы торчатся, и губы узкие - не иначе француз».

Пришла очень глупая мысль в голову.

- Bonjour, monsieur.

- Ooo! Bonjour, madame.

«- Только этого мне ещё не хватало! Как есть иностранка приезжая. А значит, плохая история нас ждёт в это утро. Где её багаж и жакет со шляпкой? Почему волосы не убраны, с кем она ночь провела?»

Городовой Прилежаев Гаврила Романович стоял передо мной: - именно его я встретила в это утро, совсем не предполагая даже, чем для меня обернётся эта встреча... Так вот мужчина пристально рассматривал моё запястье. Блеск необычного, многорядного украшения

барышни, порадовал его своим видом. Значит не ограбление! Золото на месте! Он рассматривал уже множественные колечки с камешками высшего порядка в них. Чудеса! Тонкая работа. Его доченька - Софушка о таких и мечтать не смеет.

Вид же самого запястья и пальчиков мадемуазель, ухоженных так, что глаз нельзя было отвести не радовали, если честно. Потому как ручка у барышни была такая, какая отродясь тяжелее ложки в руках ничего не держала.

«- мне ещё только их благородств не хватало, что же с ней случилось?»

«- напишет сейчас заявление в управу..., прикажет папеньку позвать. И всё же это ограбление» ...!

Мужчина вздохнул тяжело, представляя себе понаехавших родственников дамочки, крики и давление со стороны руководства.

- И всё же где ваш багаж, мадам?

- Мадемуазель, к вашему сведению, - продолжала я говорить на французском, озираясь по сторонам и подмечая странные декорации вокруг.

«- что было в том коктейле, и почему мне такие глюки виделись? Где Оля и Лиза? Как я оказалась на площадке, где фильм скоро начнут снимать?»

«- долбаная карета и вся эта ночь... - она тоже долбанная, мать вашу!»

Подметив сложенную газету под мышкой у толстого мужика в одежде дореволюционного полицейского, подумала о том, что как же хорошо он вживается в роль, похаживая в хромоных сапогах, вот так ранним утром и всматриваясь в тёмные окна домов. И вновь мой взгляд остановился на вывеске «*Фотография Мебиуса*».

- Месье Адольф Рихтер – это будто его салон? Он выкупил его ещё у живого Юлия Мебиуса. Удивительно, именно так я всё и представляла для себя.

Это имя я помнила очень хорошо. Потому что - Адольф! Сами понимаете! Потому как работал этот немец над многими фотографиями с того самого бала о котором я не могла забыть! И ещё потому, что изучала в своё время старинные фото – работы самого основателя мастерской – господина Мебиуса. В данной фото мастерской даже в 1906 году будет фотографироваться Ульянов Владимир..., потому она и известной станет для потомков.

- Как есть его, мадемуазель! Да только в Петербурге месье, как вы изволили говорить. Задержался он. А после имперского бала, занемог, говорят и на родину выехал на лечение. Прислал он телеграмму, о том, что молодая родственница его заменит. Вот ожидаем уже какой месяц.

- После бала? А разве он... Хм. Родственница значит? Вот как. Заменит.

Что-то дикое в моём сознании стало расплываться чернильным пятном! Мужчина, говоривший манерным голосом, он вытянул из-под мышки газету и переместил её на округлый живот, обтянутый светлым камзолом. Зажав пальцами — сосисками, он повернул так газету, что дата выхода в свет этого издания стала мне видна. Двадцать шестое мая одна тысяча девятьсот третий год. Все эти твёрдые знаки- они мешали мне читать. Но дату я срастила в голове просто гениально!

- Интересный реквизит у вас в руках, месье.

Он не понял точно, что я сказала, но, развернув газету, улыбнулся говоря, что любит читать утром свежую газету, в кафе неподалёку. Именно в него он спешил этим утром. А после улицу, будто решив основательно убить моё сознание, по проезжей её части, пересёк экипаж.

Вот ещё один. Возницы, переговариваясь, сравнялись, а после разъехались в поисках пассажира. Мне трудно стало дышать. На пешеходной части стали появляться люди..., странно одетые.

«- вокруг один только реквизит, люди – актёры, мир - театр!»

«- или нет, или это я - реквизит»!?

- Помогите месье, что-то мне нехорошо сегодня!

Расширив глаза, ловя взглядом призрак дамы в длинном платье, стоящей на обочине и наблюдающей за всем, я буквально летела головой вниз, усиленно *«желая приложить её о камни мостовой»*.

Выпали из рук дорогие сумочки у заграничной барышни. Рядом шмякнулся тяжёлый бумажный свёрток – пакет. Началась дикая паника!

Городовой успел подхватить мадемуазель, приговаривая, что та точно накануне перебрала с шампанским. При этом он смял газету нечаянно и был этим расстроен. А из доходного дома князя Гагарина выбежала женщина, давно наблюдающая за барышней, модно одетой на европейский лад и разговаривающей в это раннее утро с городовым. За ней бежали служанки.

И никто и не заметил, как яркими чернилами легла надпись на жёлтой, очень плотной бумаге пакета барышни.

Всего одно имя решило огласить этому миру призрачное дыхание Кузнецкого Моста: - *«фройляйн Нинель фон Рихтер»*.

Глава 7. «- неужели всё?»

Так, наверное, думает каждый, кто хоть раз умирал. Однако нам не суждено это помнить, потому как возродившись в иной матрице, многие участки памяти стёрты в нас напрочь. Но в данный момент я точно не понимала, что со мной. Сначала была тьма, а не свет. Света не было вообще! Не просто отсутствие вышеупомянутого объекта восприятия обозначилось для меня неоспоримым фактом. Нет. Нечто более глубокое, осязаемое, как невесомая топь, которая обволакивает, даря забвение, существовало повсюду! Я чувствовала, как тело, или то, что от него осталось, медленно, очень медленно, растворяется. Покой! Не было боли, не было страха, только... недоумение.

«- неужели это конец? Неужели так просто можно умереть?»

И всё же покой растворился изумлением и желанием знать! Это как на скорости нажать на тормоза и заявить о желании познать неведомое, накапливая опыт. И в ответ тьма начала меняться. Она не рассеивалась, нет, она трансформировалась, обретая новые оттенки. Я начала видеть. Не глазами, а чем-то более тонким: - особым зрением, которое проникало буквально всюду, обходясь без света. Передо мной развернулась картина, которая одновременно притягивала и отталкивала. Манила она так, как это бывает только во сне, в котором тебе неподвластны законы физики.

Я видела старинные чёрные дома, стоящие на серой земле без каменистой мостовой. Видела улицы без людей. Город! Мёртвый город, воздух в котором был тяжёлым, пропитанным запахом влажной земли, гниющих брёвен и чем-то ещё, неуловимым, но очень тревожным. Я двинулась вперёд, не зная, куда иду, но всё же ведомая невидимой силой. Мысленно я хотела вернуться! Шаги не издавали звука, ничто не издавало звуков. И чем глубже я заходила в город мёртвых домов, тем сильнее становилось ощущение присутствия. Казалось, что за каждым ветхим строением, за каждым забором и калиткой кто-то наблюдает за мной. Не было видно ни глаз, ни теней, но я чувствовала взгляды. Холодные.

Очень холодные!

Внезапно я услышала звук. Это был не крик, не шёпот, а нечто среднее, похожее на протяжный стон, который эхом разносился по улице. Он был полон тоски и отчаяния. Я остановилась прислушиваясь. Несколько шагов вперёд и отчаянное желание вернуться! Звук повторился, на этот раз ближе. Он стал звать меня. Отчаянно громко!

Посреди улицы, окружённой небольшой площадью и домами, стоял... колодец. Чёрный камень, покрытый местами, был покрыт мхом, который светился тусклым, фосфоресцирующим светом.

Свет! Именно он обозначает для нас тени и всё вокруг. Он даёт нашему сознанию возможность понять в сравнении, что есть чёрное и белое. Зло и добро! И всегда ли чёрное – это зло...

Из колодца исходил многоголосый стон, и я чувствовала, как меня тянет к нему, словно невидимой нитью. От страха замерло всё вокруг, и, обернувшись, я искала дорогу обратно.

Но! Глубина в колодце – показалась необозримой вершиной, если рассматривать её с позиции иного восприятия. Я не видела дна! И я была уже возле самого края. Опасного края! Только бездонная тьма, которая казалась ещё более плотной, чем та, что была в самом начале зияла предо мною. Из этой тьмы поднимался холод, пронизывающий до костей, и вместе с ним – нечто похожее на голоса. Просто жуткая смесь звуков, переплетающихся между собой: шёпот, плач, горький истеричный смех, который был страшнее любого крика.

Голоса тех, кто был когда-то до меня. Тех, кто тоже умер, но не нашёл покоя.

Они были заперты в этом колодце, на улице с рекой, которая текла под землёй.

Их страдания были вечными!

Подземная река!

И улица над ней!

Люди, поколения людей, рождающихся и уходящие за грань. Почему они спрятали эту реку от взора людского?

Открыв глаза, не веря сама себе, уже как две четверти часа примерно я наблюдала за дамой, сидящей напротив в кресле. Это было не просто кресло, а скорее тахта из тёмного, почти чёрного дерева, обитая бархатом цвета алой крови. И на ней, словно королева из романа, восседала она.

Грациозно она держала мундштук с сигаретой, а после стряхнула с неё пепел прямо на пол.

Вновь очень красивым жестом поднесла это сооружение к губам. Затянулась, прикрыв глаза.

Комната была погружена в полумрак, лишь тусклый свет единственной лампы в абажуре опять же красного цвета, свисающей с потолка на тонкой цепи, выхватывал из темноты её лицо. Лицо, которое было одновременно красивым и отталкивающим. Идеальные черты, фарфоровая кожа, глаза, цвета... Не разобрать какого! Что-то в ней было не так.

Неуловимое, тревожное.

Я не помнила, как сюда попала. Последнее, что всплывало в памяти – это странный мужик из сериала про ресторан и ощущение падения. И сон! Страшный сон про пустоту.

Теперь я полулежала на высокой подушке на атласном покрывале, буквально прикованная к месту взглядом этой женщины. Её движения были плавными, почти гипнотизирующими. Она вновь затянулась, и тонкая струйка дыма медленно потянулась вверх, растворяясь в воздухе. Дым был необычным – он будто мерцал, таким его делал тонкий луч, проникающий из-за закрытых портьер. И вместе с дымом, казалось, в комнату проникал странный, едва уловимый запах – смесь ладана, старых книг и чего-то ещё, чего я не могла определить, но что вызывало дрожь воспоминания. Я знала этот аромат!

- Не советую курить.

- Почему?

- Капля никотина, говорят, в состоянии убить даже лошадь.

- Увы, это не мой случай.

Она усмехнулась. Голос женщины был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. Каждое слово было произнесено с такой неторопливой, завораживающей мелодичностью, что я не могла отвести от собеседницы взгляда.

- Где я? – мой голос в отличие от её звучал хрипло и неуверенно.

Она улыбнулась, однако улыбка не коснулась глаз, смотрящих на меня через всю комнату.

- Там, где должна быть.

- Я никому ничего не должна.

- Знаю. Ошибка вышла.

- Вы кто? – спросила.

Просто бросила фразу в пространство, понимая, что всё равно ничего понять мне сейчас не удастся.

- Почему про лошадь и никотин не ваш случай? Это ваше «уввы» оно мне не нравится.

Она снова затянулась, дым, казалось, стал гуще, приобретая причудливые формы. Я видела в нём будто очертания лиц, силуэты зданий, которые никогда не знала раньше, но которые казались смутно знакомыми.

- Я – это просто я. А ты – это ты. И ты меня видишь. Значит, «Уввы» - это просто «уввы».

- Логично.

Она медленно подняла руку, и кончик длиной сигареты засветился ярче. Пепел с пола начал подниматься, кружась в воздухе, словно живой. Он не оседал, а собирался в мерцающие созвездия, которые медленно двигались к свету.

- Ты пришла сюда, потому что искала ответы. Ответы, они на многие твои вопросы готовы приоткрыть тайну, но они не всегда приятны. Лошадь и никотин – занятное словосочетание... Но это однозначно не мой случай. Я уже говорила это. Содержательная у нас беседа с тобой выходит. Кто бы мог подумать. Ты меня видишь! Нужно Эдгара позвать. Увидишь ли ты его?

Она встала, прошлась по комнате, придерживая юбку длиною до пола...

- Просто никотин, он, знаешь ли задержался... В пути. Тот, кто тебе сказал, что он убивает одной каплей: - явно погорячился.

Направившись к стене, на которой были наклеены обои в мелкое соцветие роз на молочном фоне, она будто растворилась в ней и...

И прошла сквозь неё.

А после вернулась.

- Кто-то успел это сделать раньше.

- Что сделать?

- Убить. Меня. Ты сможешь мне его найти?

- Кого?

- Ну, уж конечно, не никотин. Убийцу! Там доктор, кстати, идёт к тебе коридорами. Весьма неприятный тип, он осматривал моё тело, делал заключение для полиции. После поговорим.

Незнакомка собралась «уходить».

- Если тебя никто кроме меня не видит, останься.

- Со стороны, знаешь, не очень приятное зрелище, ты смотришь в одну точку. Лежишь недвижимо уже целый час и при этом мысленно ведёшь беседу. Приди в себя наконец-то! Пошевелись.

Я подняла руку и вперилась взглядом в несколько рядов цепочек на запястье. Воспоминаниями стали голубые глаза Оли и совет Лизы получить высшее образование, направив свой взор на коммерческую и рекламную фотосъёмку.

- Не уходи, я кроме тебя здесь никого не знаю. Мои подруги...

- Можно подумать, мы с тобой знакомы много лет.

- Аромат Кузнецкого Моста, он знаком мне. Это парфюм моей мамы..., и поэтому, мне кажется..., только лишь, кажется? Или нет?

Обернувшись, незнакомка пристально смотрела мне в глаза. Так пристально, что стало не по себе. А после подойдя к узкой кровати, на которой я оказывается лежала встала неподалёку в простенке между окон. Спряталась в тени, давая понять, что не уйдёт.

- Тебя без сознания отнесли в самый скромный номер доходного дома князей Гагариных. Номер находится на первом этаже этого всеми уважаемого заведения. Так себе номер. И то только потому, что на этом настояла мадам Серышева. Приказчица и управительница всего вокруг. Одежды твои ей показались заграничными и весьма загадочными. Невдомёк госпоже Серышевой было, что юбка, так красиво облегающая твои бёдра и струящаяся книзу это не юбка вовсе, а брюки. Но об этом уже знают буквально все богатые обительницы этого заведения.

- Эти брючки мне тоже «зашли» как только я их примерила. Кстати, сделано в России!

- Куда зашли?

- Забудь, сленг такой. Исправлюсь. Значит, всё же не «гостиница», а «доходный дом».

Почему?

- Ты имеешь в виду временной отрезок развития всех событий в целом?

- Да.

- Что значит время по отношению к вечности? Какая разница?

- Тебе, может, и никакой, а мне что делать? Я, вообще-то, жива?

- Материальна, скажем так. Я в принципе тоже не считаю себя умершей. Фройляйн

Нинель фон Рихтер.

- Кто это?

- Ты! Дочка от первого брака двоюродного брата, заболевшего месье Адольфа фон Рихтера. Не беспокойся, ваши пути не переплетутся, но управлять фотомастерской некоторое время тебе придётся.

- Жить же на что-то нужно! А, впрочем, как всегда: - могу надеяться только на себя!

Не впервой, придумаем что-то.

Незнакомка вдруг оказалась очень близко. Слишком близко. Я не слышала её шагов, не видела, как она приближалась. Просто в один момент она встала сбоку от кровати, и я ощутила не дыхание её, нет. Аромат! Наклонившись, она смотрела на меня изучающе. Голова женщины была слегка повернута, волосы растрепались. Я почувствовал, как её глаза скользят по моему лицу, по одежде, словно пытаюсь проникнуть в мою душу.

В это время послышались шаги и говор в коридоре, а после одна створка двойной высокой двери отворилась.

Глава 8. Кредо.

Итак, дверь распахнулась без стука, впуская в моё не совсем одинокое «удинение» незваных гостей. Вошедшая по очереди делегация заставила внутренне собраться.

Скажу честно: - курящая дамочка, ходившая до этого сквозь стены, была мне более понятна, нежели появившиеся в дверях люди. Скажем так, я ей симпатизировала. Совсем как родственной душе. Было у нас нечто похожее.

В судьбе!

Я смотрела на странную, вошедшую троицу, и чувствовала, как по спине пробегает дрожь.

«- на конверте, кстати, стоит твоё новое имя фройляйн Нинель фон Рихтер, а значит, конверт принадлежит только тебе!»

«- он моим был, конечно изначально, но надпись..., вроде как её не было раньше» ...

Посмотрела на троицу незнакомцев. Они готовились к наступлению. Решительному. Оно должно было чисто в русском духе: - расставить все точки над безумной буквой «и» и *утвердить в собственных глазах достоинство вошедших особ!*

Всегда удивлялась этой поговорке, ведь если поставить эту самую точку, то уже будет буква «й». И всё же, почему появление троицы так сильно напоминает мне о чём-то, что я старательно пытаюсь забыть? Ах. Да! Они же, считают, что держат всю ситуацию под контролем! Вот и господин в одеждах дореволюционных полицейских. О нём много было сказано до того, как... Мне очнуться в этих *«сказочных палатах»*.

Простите мой сарказм.

А вот и женщина: - строгий блонд.

Натуральный, по всей видимости, и зачёсанный гладко назад. Лет сорока пяти, ни больше, не меньше. Бровей почти нет на лице, и серое платье, казалось, было сшито из ткани, никогда не знавшей утюга. На меня смотрели только её глаза – два холодных серых осколка льда. Их непроницаемое выражение, заставили думать о том, что она уже пожалела сотню раз. О том, разумеется, что решила забрать моё бессознательное тело в комнаты этой самой гостиницы. Как там фамилия сей особы?

Другая дамочка, что курит и ходит сквозь стены, говорила мне, но я забыла ...

«- мадам Серьшева, запоминай!»

«- не кричите у меня в голове, Серьшева, значит, так тому и быть!»

А вот третий! Ну и рожа! Его лицо, словно вылепленное из глины, напоминало мне до боли знакомый образ – моего желчного соседа с первого этажа. Того самого, чьи вечные жалобы на приезжих из глубинки и недовольство просачивались сквозь стены вместе с дымом от его дешёвых сигарет. Они отравляли атмосферу всего дома.

Но этот мужчина был в то же время совсем другим. В его глазах, таких же тусклых и недовольных, таилось что-то зловещее. Он в руках держал чемоданчик и всматривался в меня пристально.

- Я не скажу, что барышня, изрядно выпившие были накануне. В комнате достаточно свежий воздух. Вы курите, сударыня?

«- это он о чём сейчас сказал? Эдак очень вежливо предположил, что я непотребство какое-то?»

Собравшись с мыслями, как это делала всегда для того, чтобы задавший вопрос человек, успел пожалеть о том, что задал его, я ответила тихо...

- Нет, не курю, разумеется. А вы?

Мужчина расширил удивлённо глаза. Вошедшая с компанией женщина наконец-то улыбнулась, а городской, он.... Он хотел, чтобы всё закончилось хорошо. Рассосалось само собой! Он считал, что неприятности на вверенном ему участке и улицах должны обходить его стороной. Мужчина дорожил службой и считал, что заслужил уважение и почитание буквально всех вокруг.

- Курю, - ответил *«желчный»*.

- В меру принимаю полезный никотин, дабы содержать сосуды в расслабленном состоянии. А значит, не мучиться повышенным давлением и головными болями.

«- это он серьёзно про никотин!? Он его явно спутал с чем-то другим!»

- В меру курить, а это сколько? И вот ещё вопрос... Вы это делаете до еды или после?

Мне было интересно, что ответит это местное медицинское светило. Действительно интересно.

- Сударыня, меня пригласили говорить о вашем здоровье. Но никак не о своих личных методах оздоровления.

- Значит, говорите о моём. Я слушаю.

В моём голосе звучал вызов, который к слову сказать вошедшие проигнорировали.

- Вы позволите?

Промолчала наблюдая... Как всегда, прищурила взгляд и свела брови.

Но «желчному» и не требовалось моё разрешение. Он был очень уверен сам в себе!

Мужчина подошёл близко к кровати. Не шаркал ногами, не вздыхал. Просто шёл..., огибая стол со стульями, стоящие посреди комнаты. Как на таран.

Чемоданчик доктор неспешно положил на комод, сдвинув с него ловко салфетку ажурную. Торжественно открыл его. В этот момент я вдруг подумала, что он достанет сейчас тонометр. Мне показалось, что я в своём времени. Просто скорая приехала...

Но запустив руки в недра своего кожаного достояния, мужчина достал нечто похожее на ванночку и скальпель. Я знатно напряглась, подумывая, как дать, если что, отпор местному эскулапу. Мой взгляд забегал, ища ту, что ходит через стены.

«- он что мне сейчас вены вскроет?»

«- не сразу, вначале за запястье возьмёт, а после скажет, что нужно кровь пустить.

Она у тебя густая и с желчью, которая разлилась по всему телу».

Улыбнувшись, никем не замеченная она прошла к креслу.

«- чисто теоретически, где мне можно от этих идиотов укрываться?»

«- не смотри в мою сторону, это странно выглядит, они не видят меня. Меня никто не видит кроме тебя. Расположиться ты можешь в покоях двоюродного дяди, он их на полгода вперёд всегда оплачивал. Сейчас месяц, май. Значит: - один месяц можешь спокойно жить. Дополнительный ключ у мадам Серышевой в личном кабинете, в столе должен находиться. Это в том случае, если она никому уже сданные покои не умудрилась внаём сдать повторно, я не была в том крыле давно».

Пока мы беседовали с невидимой для всех сообщницей, докторишка, разглядывая мои браслеты, весьма пристально, взялся считать пульс. Большую в моём лице несказанно поразил тот факт, что при этом он совсем не смотрел на часы, висящие на цепочке у него на поясе. Они продолжали висеть нетронутые. А более часов в комнате и не было вовсе. Зачем считать пульс, если не знаешь, когда закончится минута? Зачем меня держать за запястье своими пальцами? Зачем такой умный вид и все эти понты? Кто оплачивает эту комедию?

Положив, мою же руку мне на грудь, сжав её дробно в локте несколько раз, он пробормотал нечто про худосочность и неврастеничность этой пациентки. Попросил притронуться пальцем левой руки к носу, а правой к виску. Спросил про головные боли и частые потери сознания. А после прошёл к комоду.

- Вы ничего не хотите мне сказать, уважаемый? Все эти ваши вопросы...

Я пыталась быть как все, кто окружал меня. Соответствовать, так сказать времени. Услышав мой вопрос, мужчина обернулся. Наши взгляды встретились, и я вдруг поняла, что он уже всё решил для себя. Интересно, он своих больных часто «лечит» никотином? А сам принимает его как противоядие, прекрасно зная, про его убийственную силу? О, как же я была права! Говоря, про каплю никотина и лошадь!

- Пульс, он у вас, сударыня, весьма учащён... М.. да.

- Вот как? Сколько ударов в минуту?

В ответ я получила тишину в комнате. Все смотрели... на меня, разумеется.

- Вы не представились, сударь.

- Василий Петрович Иванец к вашим услугам, сударыня. Врач, достаточно высокой квалификации. Мне говорили, что вы не знаете русского языка.

- Прекрасно знаю... В том числе французский, английский и немецкий.

«- про немецкий я загнула, конечно. Блефую, так сказать, однако не экзамен же мне он устроит собирается?»

- Так какой у меня пульс? Что вы хотите сейчас делать? Хочу знать свой диагноз.

И я уже точно не лежала на атласе покрывал и подушек. Вздохнула и, опиравшись локтями о ложе, уселась. А после явив этому миру, возможность созерцать даму в брючках — палатки из будущего, я по очерёдности одну за другой спустила ноги на пол. Голова не кружилась, и чувствовала я себя довольно сносно, учитывая, что не спала практически всю ночь.

А если не спала, то где я её провела?

А вернее, с кем?

«- об этом я подумаю наедине с самой собой».

«- а вообще, пока не решу все проблемы, удобно будет вообще не думать и не вспоминать тот дурдом, в который мы попали с подругами».

И вот я уже стою на ногах. Склонив голову, привожу в порядок волосы. Уверено достала небольшую расчёску из сумочки, лежавшей на круглом столе. В комнате тишина... На меня смотрят три человека и одно странное существо *«без матери, но живое».*

Я для них нечто непонятное и чуждое. И я прекрасно понимаю этих людей, потому как действительно чужая здесь: *- фройляйн из будущего.*

Вижу скальпель в руках *«желчного»* и его взгляд на мои украшения. Сейчас он направлен на цепочку, спускающуюся на грудь.

«- мне бы домой отбыть, визит явно затянулся».

«- не вариант! Это сложно, Эдгар вернётся, когда сам этого захочет, а без него никак!»!

Та, что ходит через стены, смотрит выжидательно. Ей интересно буквально всё. Кажется, она развлекается.

«- просто отлично. Как я понимаю – безглазый в карете – это и есть Эдгар!»! *«- а ты, кто?»*

«- мадемуазель...».

«- Жужжжу?»

«- нет, конечно! Мадемуазель – Кристина, когда-то я была почти что прима-балерина в Императорской труппе города на Неве».

«- вот как значит, понятно» ...

Понимая, что ничего на самом деле не понятно и кругом идёт голова от всех этих новостей, желая всё же остаться в одиночестве, повернувшись к мадам Серышевой, набравшись наглости и решимости, я спокойно прошу сопроводить меня в покои моего дяди Адольфа фон Рихтера. Блеф, наше всё!

Вспоминаю, как брат учил меня врать, говоря, что главное — это самому верить в то, что говоришь.

И после такой вот ночи, мне, если честно, ничего другого не остаётся!

Что значит врать, господи?

Вот мой брат, провинившись как-то и утопив велик в карьере, на разборках, спрашивал у мамочки какая ей нужна правда? Я тогда, увы чётко поняла, что он удивительно прав! Братец от чистого сердца хотел: - во-первых, избежать наказания, а во-вторых, поведать родительнице о том, как велика его потеря.

Ведь велосипед действительно утонул!

А сам он еле спасся, потому как песок дна карьера стал буквально проваливаться под его ногами. Мальчишка всего-то хотел помыть свой транспорт, а тут *«зыбучие пески»* и ужас, и желание жить!

И вот в чём вопрос: - Димка – брат, он действительно всего только утопил свой новенький велик?

Или самым невероятным образом он смог спастись и не утонул в тот злополучный день?

Вот вам и правда. Она – вроде как точно одна, но рассказывать о ней можно по-разному. Вы же со мной согласны?

Вот вам и новый итог.

Непросто врать – жить нужно тем, что удобно только тебе, дышать этим, вплетая свою историю в самую ткань реальности, пока она не станет неотличима от правды!

А если нет, то как тогда быть?

Рассказать всем про двадцать первый век и угодить «в палату номер шесть» местной психбольницы?

Сказать, что вижу дамочку, ходящую сквозь стены?

Пересказать всем наши с ней разговоры?

Вы точно после таких вот историй будете ко мне относиться, как прежде? Предположите на мгновение, что я ваша соседка по квартире, и рассказываю вам, что вижу призраков.

Увы, сходят с ума поодиночке! Пусть так и будет, господа! Пусть так и будет.

Глава 9. Эдгар и Кристина.

Вышколенность домовой прислуги, как я понимаю, была предметом гордости мадам Серышевой. Почему я так много говорю об этой женщине? Отвечу честно: -потрясение сознания на увиденное и услышанное за последние несколько часов сильно взвинтило мой разум.

Считая себя чуть-чуть будто бы сумасшедшей, я старательно наблюдала за постояльцами «клиники для больных с определённо сложным диагнозом».

Этой клиникой мне казалось было буквально всё вокруг. Вот на какой-то момент бросилось в глаза, что домовая прислуга состоит исключительно из мужчин. И это меня направило на мысль, что возможно это усмирители для особо буйных.

А я ведь не такая. Не буйная. Я хитрая!

Когда некто, похожий на швейцара нёс мои вещи, вроде как я расслабилась. Но была наготове. Ведь перед этим он старательно искал взглядом остальной багаж ...

- Прибудет позже.

Сказала я независимым голосом. Ведь я же решила врать правдиво, веря в то, что говорю. И с этим будто согласились все вокруг, подыгрывая мне.

И вот во главе процессии по коридору уверенно идёт всё та же высокая блондинка – мадам Серышева. А после по лестнице с коваными перилами мы шли вниз, и снова коридором в другое крыло здания; широкой округлой лестницей снова вверх. И вот мы наконец-то прибыли... Горничная отчиталась, что уборка в номерах господина фон Рихтера делалась не иначе как вчера.

Значит, женщины всё же есть в здании!

Дворник что-то прокричал во дворе. Швейцар, который нёс мои брендовые сумки, вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь, выпуская дам.

Я вдруг подумала, что все эти бренды условность, понятная для человека из двадцать первого века. Они не имеют никакого значения в начале двадцатого. Почему я так подумала? Неужели я действительно в дореволюционной России? Посмотрела на листики и цветочки браслетов. И вдруг оценила квартиру. Вот уж ценность, так ценность на все времена. Планировка апартаментов двухсторонняя. В такой, если честно, я никогда раньше не была. Высота потолков примерно четыре метра. Лепнина и люстры, похоже, что из муранского стекла. Большая гостиная выдержана в тёмных тонах, возле камина ажурная решётка, отделанная позолотой. Это же сколько на неё ушло драг металла? Она напоминает хвост павлина. Выходя из гостиной в коридор, идя по нему, можно было попасть в служебное помещение за аркой, а после в спальню.

Помещения библиотеки и кабинета «дяди», я постаралась не заострять на них внимание. «- изучу всё досконально позже».

- В этой спальне всегда извоили проводить своё личное время ваш дядя, сударыня. А вот это гостевая спальня.

Мы прошли в другую, самую дальнюю комнату.

- Окна выходят во двор. Тишина и покой вам обеспечены.

После меня порадовал водопровод, огромная ванная комната и титан работающий от газовой горелки. О чудо из чудес!

А ещё примерно через пять минут, стал удовольствием уход самой мадам Серышевой. На прощанье она глянула на меня испытующе, на бумажный пакет в моих руках, пробормотала, что откланивается с моего позволения и, что всегда рада меня выслушать... И вот я наконец-то закрыла за ней входную дверь. Вдруг подумала, что это должна была сделать горничная, которая у меня напрочь отсутствовала. Махнув рукой на условности, пройдя коридором в гостиную, я застала в ней мадемуазель Кристину.

- Итак, зачем я здесь?

Фантом молчала. Призраком я её не решалась назвать. Уж слишком она была, как бы это сказать? Материальна, что ли. Материальна и умна.

- Вы Нина, хорошо справляетесь с ситуацией. Нет ругани и воплей.

- Не вижу смысла истерить. Это что-то изменит?

- Что вы там про никотин говорили? А ведь Василий Петрович, осматривал меня несколько раз. Примерно недели за две до того момента, как я потеряла сознание, выпив бокал вина на приёме. И назначения выписал, а после сам изволили занести лекарственную микстуру от бессонницы.

- Крис, можно я так буду тебя звать? Ты курила при жизни твоего тела.

- В принципе нет. Только по рекомендациям господина Иванца я вечерами расслабляла сознание и сосуды несколькими затяжками.

- А почему сейчас вот опять в руку мундштук свой берёшь? – Я указал на её тонкие, почти прозрачные пальцы, которые, казалось, держали нечто, что было лишь плодом моего воображения.

- Как так ты нематериальная можешь брать в руку плотный предмет?

Крис уставилась на меня и замолчала.

Она впала в раздумье, которое мне давало возможность передохнуть от впечатлений. Воздух вокруг нас, до этого совсем нежилой, стал наполняться энергетикой. Я чувствовала, как мои собственные мысли, до этого лихорадочно цеплявшиеся за смысл происходящего, начали взаимодействие со странной атмосферой вокруг.

Глаза Кристины, казалось, смотрели сквозь меня, сквозь стены этого дома на Кузнецком мосту, сквозь саму ткань бытия. Я видела, как в них отражаются мысли на мои вопросы. Это было не просто раздумье, это было погружение в бездну, в которой хранились возможно даже и некоторые ответы. Я уже по моему говорила, что для фантома девушка была необычайно умна.

Мундштук, который она держала, был из слоновой кости, пожелтевшей не только от времени.

Сейчас он казался не просто предметом, а якорем, связывающим эту дамочку с чем-то, что она пыталась удерживать в себе не отпуская. Или, быть может, это что-то удерживало именно её. Наконец, она медленно подняла мундштук к своим губам. Я ожидала, что он пройдёт сквозь них, как сквозь дым. Но он не прошёл. Он коснулся их, и в этот момент я почувствовал лёгкий, едва уловимый запах табака.

Запах старого, выдержанного табака, смешанного с чем-то ещё – возможно с забвением и немного страхом. Крис явно боялась что-то открыть для себя.

- Ты думаешь, что я нематериальна?

Её голос стал тише. Это был почти шёпот, но в нём появилась новая нотка, от которой у меня по спине пробежал холодок.

Она пыталась убедить меня в том чего не было на самом деле:

- А что, если это ты нематериальна? Что, если всё, что ты видишь, слышишь и осязаешь, — лишь иллюзия, созданная только для тебя?

- Смысл? Во всём должен быть смысл. Смысл создавать иллюзию только для меня? Знаешь, я вновь готова задать тебе вопрос: - для чего я здесь?

- Наверное, мы об этом узнаем позже.

Она задумчиво посмотрела на окно и перестала спорить.

- Этот мундштук, знаешь, он моё воспоминание, — продолжила она, медленно поворачивая предмет в пальцах, — это не просто только видимость. Воспоминание о том, что было, что могло быть, и о том, что никогда не будет.

Девушка сделала глубокий вдох, словно вдыхая дым. И в этот момент я увидела. Увидела нечто, что заставило меня замереть. Вокруг неё, едва заметная, начала клубиться тонкая, сероватая дымка. Она не была похожа на обычный сигаретный дым. Она была живой, извивающейся, словно сотканной из теней удивительной энергии. Дымка поднималась от её губ, от рук, от всего её существа, окутывая, делая ещё более призрачной и одновременно более реальной.

В этой дымке я начала различать образы: лица, места, события. Они мелькали, как кадры старой киноплёнки, слишком быстро, чтобы их рассмотреть, но достаточно отчётливо, чтобы понять — это были воспоминания. Мелькнул знакомый образ мужчины, память попыталась ухватить новую информацию. Тщетно!

- Каждый раз, когда я беру его в руки, — прошептала Крис, — я не курю. Я живу прошлым. Я вдыхаю то, что осталось от меня, от тех, кто был рядом, кто забыл, что любил за талант, грацию и красоту. Забыл, что обещал.

Дымка гуще, и я чувствовала, как она начинает становится буквально частью меня. В лёгкие, в разум пришло новое состояние. Волна чужих эмоций затопила: - тоска, сожаление, отчаяние...

- Она ещё спит?

- Пусть спит. Это лучше, нежели отвечать на её вопросы. Как-то я отвыкла, что нас с тобой видят и расспрашивают о чём-либо.

- Скоро полночь.

Приоткрыла один глаз, рассматривая того, кто говорил мужским голосом. В лунном свете, мягко ложащимся на мебель в гостиной, говорящий мужик был просто тёмным пятном. Но я его точно узнала! Резко села, спустив ноги на пол. Нашла рукой плотную бумагу конверта. Ладонью натолкнулась на жёсткую обивку дивана.

- Ты! Это ты правил той каретой! Долбаный *face* без глаз!

- Хм. Когда она спала, было спокойнее. Я не *face* без глаз, позвольте представиться - Эдгар де фон Валь ...

- Я домой хочу! Вези меня, фон Валь, обратно! Где мои Лиза и Оля?!

- Ну это мы всегда сможем сделать. Отвезти. Да только вот давеча, говорю... Почему городской обмолвился, что не племянница ты, и не фройляйн Рихтер вовсе.

- Конечно, нет! Тебе ли не знать правды? А до местных нет мне дела.

- Зря!

- Не детей мне с ними крестить! Ведь заселили же они меня в номера, зачем после сомневаются?

- Похожа ты на сиятельного князя Огарьева Кирилла Андреевича как две капли воды. Потому и сомневаются. И заносчивая такая же. Наверное, являешься ему дочерью внебрачной. По молодости он ох как любил по Москве выезд свой питерский демонстрировать. Рысаки, карета, прислуга. А то, что хозяин этих квартир и князь Огарьев дружны были с детства об этом только наш дворник Никитич, наверное, не знает... А может, и знает.

- Князь Кирилла Андреевич Огарьев?!

Буквально на одно мгновение у меня сердце остановилось, а после пустилось вскачь.

«- всё совпало и имя, и фамилия, как говорится- неужели это Он?»

Присмотревшись к лицу говорившего, я вдруг на мгновение его представила с нормальными глазами. Будто проявила старинную фотографию. Усилием воли костяной остов лица фантома *«наградил»* нормальной внешностью. Подумала. Что-то убавила, добавила густую шевелюру волос как у поэта этого времени, видела как-то на фото его одухотворённое лицо.

Пожелала, чтобы так и осталось. Зачем мне говорить с черепом? А после зевнула и сказала, что есть хочу и переодеться в домашнюю одежду. Рывком поднялась и прошла в коридор. Именно в нём я видела провода и выключатель света на стене. В гостиной свет не хотелось зажигать, а вот в прихожей и в ванной комнате...

И вот загорелся абажур, и из зеркала не меня глянул знакомый образ в мятой одежде и с лицом серым от усталости.

«- значит, вот я для чего здесь – папенька объявился».

Глава 10. Пижама.

«- Вернее не отец объявился, а я совсем без предупреждения скоро появлюсь в его жизни. Говорят, неожиданный гость хуже набега татар. Вроде и не гость я».

«- А кто?»

«- Дочь родная».

Провела рукой по волосам, думая о том, что если я была без материи, то в зеркале не было моего отражения. Так что Крис, зря она вот так говорила про иллюзию. Обернулась. Эдгар наблюдал за мной, стоя посреди комнаты для приёма гостей. Его образ оставался таким, как я его для себя мысленно набросала.

- А что мне нравится.

- На поэта похожи стали, на Александра Александровича Блога. Да только как же вам, может, нравится этот облик, сударь, если вы себя в зеркало не видите?

Усмехнувшись, фантом переместившись практически мгновенно встал возле меня. В отражении зеркала появилась тень.

- Каков результат, а? Всего, только поговорили с вами, сударыня. Мелочь! А я тенью в зеркале отражаюсь! Ещё несколько дней и... Я начну пугать своим видом постояльцев в этом отеле.

- Как так? Ну поговорили! Ты же призрак! Откуда тень? Я здесь совсем ни при чём.

Он уселся на банкету с важным видом.

- Ветер трепал полы дорого пальто, фамильный перстень на пальце. Ведь эта улица когда-то была моей жизнью. Видели бы вы, сударыня, мою трость и мой личный экипаж! И вот стала улица - эхом безумной глупости. Не призрак я. Скорее, отражение! Эмоций, мыслей и переживаний о том роковом дне, о жизни моей никчёмной. Когда я решил, что смерть – это достойная цена за то, чтобы не платить по долгам. Всего один только выстрел! Я помню, как солнце заливало мостовую золотом, как смеялись дамы под зонтиками, как пахло свежей французской выпечкой из пекарни на углу. И помню её - Кристину. Я был молод, глуп и одержим. Я был игроком! Грех на мне. Знаю и потому каюсь! И теперь я – и есть эта улица. Её мостовая и стены домов. Миф! Легенда! Я злой шорох и холодный отблеск света. Тень, скользкая по мостовой. Я – это реакция мысли, не согласной с тем, что мой жизненный путь закончен. Я – фантом, который сам выслал во вселенную, не осознавая этого.

Кристина... она другая. Она любила всей душой и теперь страдает. Я чувствую её боль, как собственную. А ты... ты, чувствуешь холод и видишь нас. Ты другая - резкая и живая. Ты думаешь о той жизни, из которой я тебя так удачно выдернул. Ты думаешь о своих мечтах, о желаниях, о страхах. Ты – это будущее, которое решительно познаёт прошлое. Познаёт

разумом и неуёмной энергией. И не удивляйся, если кто-то из соседей в будущем скажет, что видел тебя в эти дни.

- Когда скажет?

- Когда ты вернёшься. Но вначале, сделай Крис такой, как она заслуживает этого. Ведь её отравили! Подари ей новую жизнь, а про меня забудь!

- Новые страдания и жизнь? Как это сделать?

- Так как меня начала наделять материей. Иногда в тишине ночи, когда луна освещает этот перекрёсток призрачным светом, я вижу её. Кристину. Она стоит одна, и силуэт девушки кажется очень хрупким. Она одинока. И я чувствую, как моя призрачная рука тянется к ней, пытаюсь утешить, пытаюсь сказать, что всё будет хорошо. Но я не могу. Я лишь отражение. Отражение боли, отражение сожаления, отражение своего греха. Не бойся нас. Я не хочу тебе зла. Я просто здесь. Я – становлюсь наполненным сосудом твоих собственных мыслей и чувств. Мы связаны с тобой навеки. Буду здесь, пока Крис не найдёт покой. Пока её боль не утихнет. Пока я не смогу, наконец, раствориться в этой улице, став лишь частью её истории. Истории о любви, о глупости и о призраке, который стрелялся на перекрёстке. Который не замечал очевидного.

- Мрак! Понятно, что ничего не понятно. Знаешь, как зажечь горелку в ванной комнате, воды нагреть?

- Удивительное вы создание девушка Нина из будущего. Я вам душу открывал, я каялся! Я осознал вину! А для вас, значит, именно в этот важный для меня момент, нет ничего важнее горячей воды?!

Растопырив пальцы на ладони, я провела ими по длине волос.

- Совсем грязные из-за вашей кареты! Вы каялись?! Как удобно перекладывать ситуацию с больной головы на здоровую! Однако, вначале, Эдгар, вы похитили меня из моей жизни! Лишили буквально всего!

- Ясно! Значит я просто обязан вести вас под венец, сударыня!

- Только не меня, Эдгар! Не меня!

После под устную инструкцию созданного мною «*поэта*», под его вздохи и стенания я всё же затопила титан, который, оказывается, работал вовсе не на газе. Дрова для него и камина, запасом лежали в подсобном помещении. Пройти в подсобку можно было из кухни. Как говорится: - ларчик открывался просто.

- Аннушка – горничная приходила, стучала, пока вы спали фройляйн.

- Зачем стучала?

- На ужин в ресторацию звать хотела. А ежели нет вашего желания в общественных местах появляться, так она может в вашей гостиной обед накрыть на одну персону.

«- всего-то на одну, опять за столом в гордом одиночестве восседать придётся. Как же я не люблю этого!»

Мысленно рисовала себе картинку, как мы сидим втроем с ожившими призраками и беседуя, наслаждаемся кофе. Вот Крис, вместо того, чтобы сделать очередную затяжку кладёт в ротик небольшой кусочек пахлавы. Волосы у неё темнее нежели сейчас, черты лица очень чёткие и приятные. Совершенно лишённые трагизма. Эдгар, стал больше похож на Байрона. Ах, нет – не пахлава у них в руках. Такой десерт можно купить только в Анталии. Приобретём мы для себя нечто в местной кондитерской: - пирожное или настоящий шоколад из Бельгии.

Заметив движение за собой, резко обернувшись, я уставилась на парочку приведенный.

Или кто они там? Фантомы? А в чём различие?

Замерев, те, всматривались в меня, а после молнией бросились к зеркалу.

- Ваша удивительная способность, сударыня, предаваться мечтам... Правильным мечтам... Создавая наш образ, я хочу сказать, она просто великолепна. Эта способность.

- Да бросьте вы преувеличивать, Эдгар.

Совсем другая мысль обрушилась на моё сознание.

- Лучше скажите, мой друг, что мне положено из меню местного ресторана. А ещё вспомните пожалуйста - были ли случаи перерасчёта содержания допустим постояльца именно в этом доходном доме. Нужно ли писать заявление или устного обращения будет достаточно? Или может лучше мне съехать и получить всю наличность за не прожитые моим дядей месяца.

- Какие случаи фройляйн? Что значит перерасчёт?

Голос Крис звучал взволнованно. Вот же не конфликтная особа!

- Мадемуазель Кристина, подумайте только: - дядя платил за полгода вперёд за эту квартиру с учётом услуг ресторана? Правильно?

Фантомы слушали меня очень внимательно. Они явно не понимали, куда я веду свои рассуждения. Вы бы только видели их лица.

- Ну что же здесь непонятного?! Фон Рихтер, он же не пользовался обедами и ужинами, значит, мне должны вернуть эти деньги, а то у меня наличности совсем нет, все финансы на карточке двадцать первого века. А ещё нужно что-то из одежды прикупить по моде местной и отправится дня через три в Питер. Билеты на поезд и всё такое. Крис, посоветуйте мне хороший бутик с приличной одеждой.

- Вам нельзя покидать эту улицу, сударыня!

- То есть как нельзя? Вы пугаете меня, Эдгар! Мне обязательно нужны новые вещи! А ещё причитающаяся наличность. Ладно проживание..., это личное дело фон Рихтера. Но за не использованную статью о питании мне должны пересчитать бюджет. В общем ваш князь Гагарин, он ... Должник, одним словом! Это по вашей части, Эдгар... Закиньте его в Антарктиду. Что же вы молчите?!

С этими словами я вытащила шёлковую пижаму из пакета, который переместился за мной из одного столетия в другое. Не обращала внимания на тишину в комнате, потому как считала, что права. Мало того, что ошибочно закинули в прошлое, считая должником, так ещё и без средств оставили.

- Интересно кто из девчонок её купил? Наверное, Ольча. Хм, свободновата.

Нежно-розовая в тоненькую чёрную полосу, она была великолепна. Рубашка с отложным воротничком. Под неё захотелось надеть чёрное кружевное бельё. Я уже представила себе, как сейчас приму ванну, съем фитнес-батончик, запью его чаем и лягу спать. А завтра попрошу у белобрысой домоправительницы «бабки своего дядюшки» - нужно же мне на что-то жить!

Крутилась в «своей спальне» возле зеркала, приложив рубашку и штаны от пижамы к телу. Ждала, когда нагреется титан.

За стенами этой шикарной квартиры слышны были звуки ночного города. Кузнецкий мост явно не спал. Приглушенный смех и обрывки разговоров – все это проникало сквозь толстые стены, словно призрачные касания чужой жизни. Захотелось выйти на улицу, прогуляться и осмотреться вокруг. Опять вспомнила, что гардероб у меня явно неподходящий для начала двадцатого столетия.

- Почему я никогда не любила розовый цвет? Очень даже прилично смотрится на мне!

Кто-то из призраков оказался рядом.

- Ага! Сразу в острог собрались? Говорят, вот и Соньку Золотую Ручку отправили по этапу, вновь на каторгу.

- Зачем мне в острог? Почему вы, Эдгар, так себя ведёте?

В зеркале уже отражался в принципе нормальный такой «Байрон». И мне даже голову не нужно было поворачивать, чтобы говорить с ним. Я прекрасно видела и различала мужчину в его отражении.

Глава 11. Быть может...

Ничего примечательного в эту ночь больше не свершилось. Не буду же я вам описывать свои мытарства с поиском хорошего мыла в ванной комнате мужчины, ведущего образ жизни

убеждённого холостяка, увлечённого своей работой. Тут сразу сто́ит упомянуть гениальность моего воспоминания, о том, что в сумочке есть два маленьких саше с шампунем и бальзамом из турецкой гостиницы.

«- и всё же с финансами нужно что-то решать».

«- а лучше всего пусть меня вернут обратно, вот дождусь утра»...

Думала, стараясь согреться в чуть тёплой воде, распределяя ничтожное количество бальзама по всей длине волос. И виделось мне, как Эдгар, импозантно правящий каретой, везёт меня домой. Это произойдёт только следующей ночью, под утро. Он доставит нас к метро. И как только то начнёт свою работу, я завладею собой в совершенно знакомом образе жизни, из которого меня выдернули так внезапно.

Дальше следовали небольшие постирушки белья и одежды, в которой я имела неосторожность несколько раз упасть в карете. Быт захватил меня на некоторое время. Не выходя из большой ванной комнаты, возле горячего ещё титана, сидя на кушетке, завернувшись в полотенце, я сушила волосы. Но прежде развесила бельё в отдалённом месте под аркой.

Как всегда, одна посреди огромного города. Уже не на старенькой кухне. Увы. Но, может, оно и к лучшему. Непокорные мысли то и дело возвращались к мужчине, который жил в своё удовольствие в Петербурге. Жил, совершенно забыв о нас с мамой и братом. Факт перемещения отца во времени для меня был совершенно неудивительным событием. Будто само собой разумеющемся. Ведь я же как-то попала в это время. Значит, и он смог, спасаясь от поделников и закона.

А проснувшись утром в уюте чужой спальне, собирая душистые волосы в пучок, я смотрела на девушку, стоящую возле окна.

- Я люблю каждое утро спускаться по широкой лестнице к парадному входу именно в этом доме. Это напоминает мне... ладно, неважно.

Начала она так, будто мы с ней и не закончили вчерашний разговор.

- Что напоминает Крис?

- Театр, торжественность, определённый образ жизни. Всё, что было до того, как я повредила сухожилие, ушла со сцены, лишилась любви очень важного для меня человека.

- Ну вот, а ты говоришь неважно. Только любил ли он, так как любишь ты его?

Она грустно повела плечом.

- Ранним утром, когда все спят... Когда несмелые солнечные лучи заглядывают в окна, а воздух свеж, я предаюсь своему ритуалу, представляя, что вокруг публика. А Он ждёт меня внизу, протягивая руку. Но сегодня горничная Аннушка, она вдруг увидела меня. Поздоровалась и даже присела в реверансе. Не узнала, прошла мимо... а после обернулась. Я поймала её недоумённый взгляд и была в шоке. Знаешь, мне пришлось войти в дверь этой квартиры. Мне пришлось открыть её ключом! Вначале я его *«взяла»*, как обычно.

- Пройдя через стену.

- Именно. Взяла! Прошла как призрак. Но взяла, так, будто я материальна. Горничная должна была слышать стук закрываемой двери. Для меня, и для неё это было важно! Звук – стал материей.

- Двери всегда открываются, если ты прилагаешь к этому усилия. Всегда! И это действительно важно.

- Что ты имеешь в виду?

- То и имею...

- Нина, что входит в твои планы, зачем ты хотела отбыть в Петербург?

- Мне нужно проверить кое-что.

- Это невозможно. Улица. Эта улица – всё, что ты можешь позволить себе. Мы с Эдгаром, не можем потерять тебя. Ты же мечтаешь не быть одинокой. Мне близки твои страдания. Я их переживаю как свои. Ты не одинока с нами. Зачем искать большее?

- Я слышала, что у фантома нет души.

- А у призрака?

- Это и есть заблудшая, непокаянная душа. В том и разница.

- А я кто? Эдгар – он?

- Не знаю.

- Быть может...

- Я уверена, что ты душа, Крис. Душа, которая потеряла свою любовь.

Она переместилась ко мне ближе. А вернее, прошла расстояние от окна до кровати, так как это делает простой человек.

- Тебе важны эти комнаты и покои? Чужая роскошь?

- Нет, разумеется.

- Ты говорила о возврате финансов... Чужих.

- Ах да. Наверное, я была слишком категорична. Но ведь работу в фотостудии, заметь очень устаревшей, ведь нужно с чего-то начинать. Мысли строят предположения, и я их озвучиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.